

МАЙЯ ТЕНЬ

ВОРОНКА

Спаси меня

Майя Тень

Воронка. Спаси меня

«Литнет»

2025

Тень М.

Воронка. Спаси меня / М. Тень — «Литнет», 2025

– Так что там с делом той, у которой родинка на шее еще страшненькая?– Так нет дела, Илья Марсельевич. Говорят женщина-то того, не совсем в себе, в больничку ее надо, а может и уже увезли. Меня трясет. Меня до сих пор трясет от таких тупых-наивных «нет_дела_жертва_сама_виновата». Эта девушка пришла к нам со слезами отчаяния, уверенная, что ее жизнь висит на волоске. Очевидно ж, что «нет дела» - только потому, что кому-то чертовски выгодно. Выгодно так, что кто-то сейчас или уже мертв, или балансирует на грани между мирами, или ее умело и методично превращают в овощ. Забыл сказать: когда меня трясет от таких «нет дела», слезами и кровью умываются все, даже те, кто считал толстый кошелек и свое кресло панацеей. В тексте есть:♥# красивая Аня, считающая себя уродиной;♥# настоящий мужчина капитан полиции Гордеев;♥# боль & отчаяние после развода♥# криминал и расследование♥# надежда на ХЭЖ книга участвует в литмобе "Следствие ведет любовь"

© Тень М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Введение	5
Глава 1. Гордеев.	6
Визуал. Капитан полиции Гордеев	8
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5. Гордеев.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	23
Глава 11	25
Глава 12.	26
Глава 13.	28
Глава 14.	30
Глава 15.	32
Глава 16.	34
Глава 17.	36
Глава 18	38
Глава 19.	40
Глава 20.	42
Глава 21.	44
Глава 22.	46
Глава 23.	48
Глава 24.	49
Глава 25.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Введение

Дорогие читатели!

Я рада приветствовать вас на страницах своей новой истории

О чем эта книга?

Аня находится на грани отчаяния: муж уходит к другой; на работе проект, в который она вложила всю душу презентовать отдали другой. В отчаянии и поиске опоры она обращается в негосударственную организацию «Воронка». Здесь ей обещают поддержку, тепло и новую жизнь. Здесь, в отличие от мужа и босса, никто не отвергает ее из-за уродливой родинки на шее. Однако вскоре Аня начинает понимать жуткий смысл названия организации. Собрав остатки воли и разума, она решает уйти из этой жуткой секты, где люди теряют волю, имущество, а затем и жизнь. Попытка №1 обходится ей очень дорого. Вся надежда на попытку №2, ведь теперь смертельно опасную работу по разоблачению «Воронки» она ведет с капитаном Гордеевым.

Страшно.

Опасно.

Больно.

Приготовились?

Тогда готовимся листнуть следующую страницу.

А нет! Еще рано. Сначала кое-что важное и интересное.

+Я очень надеюсь, история Ани и Гордеева не оставит вас равнодушными и мы вместе пройдем непростой путь ее жизни.

+Читайте, ставьте звездочки и добавляйте в библиотеку (эти простые действия очень важны для меня! Я буду радоваться каждому уведомлению о ваших звездочках! Каждую звездочку буду передавать Музу!).

+По книге будут розыгрыши. Чтобы их не пропустить, подписывайтесь на мою страничку. <https://litnet.com/shrt/Py96>

+А еще у меня руки чешутся порадовать самых активных читателей при открытии подписки!!!

Предупреждение:

Данная книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет. В тексте могут быть: ненормативная лексика, откровенные сцены, сцены курения или распития алкоголя. Все события, локации, персонажи являются вымышленными, а совпадения – случайны. Книга предназначена для развлекательного чтения.

Вот теперь – точно готовы.

В добрый путь, мои любимые читатели!

Глава 1. Гордеев.

Хмурый октябрь принес в наш городок не только сизые тучи, плаксивые до неприятия, готовые пролиться слезами в любую минуту, даже если в эту минуту выглянуло каким-то чудом солнышко. Октябрь принес еще и холод, раннюю ночь и – куда уж без этого – резкий всплеск преступности. Уверен, будь Александр Сергеевич не поэтом, а капитаном полиции, ему бы и в голову не пришло восхищаться «унылой порой, очей очарованьем» и влюбленно протягивать «приятна мне твоя прощальная краса».

Впрочем, весну бы Пушкин тоже не любил. То еще время года, когда психов тянет на всякие эксперименты, выливающиеся в драки-поножовщины-отравления.

Ничего интересного, сверхъестественного не было. Без малого семь лет работаю в полиции и каждый октябрь одно и то же. В конце рабочего дня устаешь так, что только бы добраться домой, закинуть в кипящую воду пельмени, их закинуть в желудок, а в голову закинуть информационную пищу в виде полицейских сводок и опрокинуться на кровать, или на диван, если до спальни идти лень.

Устаешь даже не от работы.

Устаешь от рутины. Бессмысленных вызовов. Работы, которая приносит не результат, а бумажную волокиту.

Устаешь разбираться с заявлениями от жен пьющих мужей, которые почему-то именно в октябре после бутылки беленькой начинают чудить не по-детски. И на эти заявления ты обязан реагировать, и хорошо, если реагируешь, потому что только в том месяце я сделал все, чтобы ноги Диярова в нашем отделении не было. Три заявления от женщины об избиении гражданским мужем, три вызова полиции, и ноль – ! – действий со стороны Диярова. Выживет ли она – под вопросом, пока в коме.

Щелкаю зажигалкой в пустом кабинете. Курить бросил, а вот бросить привычку играть с зажигалкой не могу. Как начинаю нервничать – сама будто появляется в руках. Поры бы домой собираться, да что-то внутри гложет, будто забыл что-то. Неужто из-за Диярова такое ощущение?

– Лёвушка, ты ушел уже? – негромко кличу в открытую дверь в коридоре.

Лейтенант Крюков подтягивается ко мне двумя минутами позже. После средней общеобразовательной, где его называли Крюгером у него выработался иммунитет на клички и на наше ласковое Лёвушка он не обижается.

– Что-нибудь слышно о Диярове?

– В полицию, после того как вы ославили, его не берут. Начальство наше негодует, что своего типа так подставили. Говорят, жена Диярова поставила ультиматум: либо идет хоть охранником в супермаркет, либо развод.

Лёвушка достаточно полно отчитался и тербит затекшую шею.

Ну конечно! С чего я взял, что меня трогает слизняк Дияров, когда как целый день покоя не дает дело о симпатичной девушке, что на прошлой неделе в отчаянии стучалась в наши двери за пять минут до конца рабочего дня и ревела в три ручья. Симпатичная, но родинка на шее, конечно, была интересная. Это я так завуалировал слово «страшная» сейчас. Зато благодаря родинке и запомнил ее – Аней, кажется, зовут.

Книга стартовала в рамках литмоба «Следствие ведет... любовь»

Судьба порой бывает жестока, а преступность не дремлет. Но на каждую хитроумную головоломку найдётся решение, если за дело возьмётся тот, чьё сердце полно любви.

Расследования и интриги, тайны прошлого и козни врагов - каждый клубок будет распутан, а злоумышленники разоблачены. Получится ли у вас разгадать виновных до того, как они покажут своё истинное лицо? Пройдите этот увлекательный путь шаг за шагом вместе с героями наших детективов.

<https://litnet.com/shrt/Ptra>

Визуал. Капитан полиции Гордеев

Давайте познакомимся с нашим героем поближе!

Гордеев Илья Марсельевич – в настоящее время капитан полиции, в прошлом – военный. Имеет высокий послужной список и памятный шрам на лбу.

Любит:

- справедливость
- прямолинейность
- обожает Мурата – старую собаку-ищейку

Терпеть не может:

- когда играют на нервах
- когда обижают слабых
- когда нравственные ценности продают за материальные.

Девиз по жизни. Победит тот, кто не дрогнет

Глава 3.

Аня

Я люблю конец лета. Почему-то мне никогда не было жалко с ним прощаться. Даже когда была ребенком, не ныла, что «ну вот опять эта школа-а-а», а с радостью встречала новый учебный год. Учиться мне тоже нравилось.

К тому же лето никогда не уходит просто так. Оно уходит красиво. Не все времена года так умеют. Зима, например, уходит плача, плюясь грязью; осень, когда наступает ее черед уходить, становится суровой, молчаливо-холодной.

Лето же словно мама родная. Сначала позаботится о детях своих: достаточно ли пшеница созрела; поспели ли яблоки; что там с овощами на полях-огородах, и только убедившись, что все в порядке, собирается в обратный путь.

Неблагодарные люди нахваливают осень: щедрая, золотая. Ну да! Это ж осень три месяца трудилась, поливая солнечными лучами и целебным дождиком землю! Осень приходит роскошная, золотая, ей и дела нет до людей, но удовольствием принимает похвалу в честь своего изобилия. А лето и не спорит: пусть люди думают, что это осень щедра, лишь бы всем было хорошо...

Только вот лето нынешнего года было в отношении меня другой. Не жалело. Не утешало. Словно наказывало за то, что и я этим летом стала другой. Ни разу не взглянула на колосающую ниву. Не ездила на дачу к Лильке, чтобы с наслаждением срывать смородину прямо с куста. Только плакала да жалела себя, жалела себя да плакала. Да, как говорила моя бабушка, слезами горю не поможешь.

Не помогло.

Не помогли слезы.

Попытки разговаривать.

Истерики.

Неумелый скандал.

Ничего не помогло.

Развязка случилась в самом конце лета – 28 августа. Отныне этот день в календаре я буду отмечать черным кружочком. Самый жестокий день. Самые жесткие обрывки фраз, которые успевали долетать до меня, пока я силилась не упасть, не сломаться, не разреваться перед всеми.

...рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело №21906...

...суд постановил: расторгнуть брак, зарегистрированный 20 июня 2018 года...

...брак считать прекращенным с момента вступления решения суда в законную силу...

Я вошла сюда как Корнеева Анна Степановна, а на выходе фактически уже не была ею. Теперь буду заново привыкать к фамилии Лебедева...

Мне много к чему придется привыкать...

Словно пьяная, я брела по парку, не хотела возвращаться домой, где я одна, одна, одна.

Подруга Лилия звонила раз десятый, только я эгоистично сбрасывала ее звонки. Все, что хотела сказать, она мне уже не раз говорила.

Что это не конец света.

Что бывает похуже.

Что мой Славик козел.

Что я должна быть счастлива, что вовремя показал свое истинное лицо.

Что в моей жизни еще будет настоящий мужчина.

Во-первых, это – конец света. Поглотит планету Черная дыра – мне было бы легче чем сейчас.

Во-вторых, не бывает похуже. Что мне дело, что в Африке дети голодают? Это делает мое горе менее горестным?

В-третьих, Слава не козел. Просто эта Инга, молодая хищная акула вцепилась в него зубами, окутала лживыми словами. А Слава он же такой, он и поверил...

В-четвертых, истинное лицо Славы знаю только я. На самом деле он добрый, он – самый любимый, он – только мой.

В-пятых, в моей жизни не будет больше мужчин. Мне никто не нужен, кроме Славы. И я никому не нужна с этой дурацкой родинкой на шее.

Миллионный звонок от Лили я все же приняла, но сразу сказала:

– Если хоть слово скажешь, что Слава козел и мне повезло, я выключу телефон.

– Хорошо, – вздохнула подруга. – Я стою у твоих дверей. Давай домой, ладно. Тем более дождь передавали.

Словно подтвердив Лилины слова, небо грохнуло раскатом грома, а затем хлынул ливень. Осень в этом году началась 28 августа.

Глава 4.

Глава 4.

Это был действительно по-осеннему долгий, мрачный ливень. Тучи сгустились и сгустились: не оставалось ни одного проблеска надежды, ни единого шанса для доброго теплого солнышка. Почему-то подумалось о том, что скоро 1 сентября, и если погода не наладится, то первый день знаний для первоклашек будет частично испорчен.

А может и нет. Дети же иначе воспринимают реальность.

Если б у нас со Славиком был ребенок! Возможно, тогда бы он и не взглянул на эту Ингу! А даже если взглянул, сейчас не было бы так невыносимо пусто, невыносимо грустно.

Эту пустоту хоть немного заполнила, скрасила Лилия. Но всего час, как она ушла, и снова невыносимо болит в груди, а в горле образуется ком, который невозможно проглотить, который никак не может рассосаться.

Окончательно раскиснуть не дает только мысль о работе: я не могу подвести Артема Эдуардовича и весь коллектив. К понедельнику я должна быть как цветок летним днем – уверенной, красивой, с привлекательным ароматом, то есть с готовым привлекательным проектом для наших клиентов. А уже в среду – презентация.

Работа всегда служила мне опорой. Лилька так и сказала:

– Да-а, мать, с тобой даже после бокала игристого невозможно нормально разговаривать. Тебя разве что «второй муж» – твоя работа спасет. Обещай, что будешь беречь себя. У меня стажировка. Ровно месяц. Когда приеду, чтобы ты была прежней веселой Анюткой, хорошо подруга? А когда приеду, мы с тобой пойдем в караоке и будем так петь и веселиться, что ты будешь рада избавлению от этого козла!

– Лиль, ну я ж просила... Слава вовсе не козел. Это Инга там рулит.

– Все молчу-молчу, – подруга поднимает белый флаг, но все ж бурчит: «Конечно, не козел. Всего лишь изменил, да со счета деньги хотел себе присвоить при разводе. Ох, Анька...»

Еле-еле доживаю до понедельника. На улице до сих пор пасмурно. Почему так? Первое сентября точно будет испорчено... Да и сегодня день особенный, хотелось бы солнышка. Надеваю водолазку, собираю волосы в высокий хвост, прохаживаюсь по лицу тональным кремом, чтобы скрыть следы печали последних дней, наношу немного помады на губы и иду на работу.

Работа действительно согревает сердце. Всегда волновалась перед совещаниями, а сегодня... волнуясь по-особенному, по-радостному что ли.

– Особую благодарность я хотел бы выразить Анне Степановне. Довести до ума столь серьезный проект за восемь месяцев – практически чудо. Я почти уверен, что после его презентации нам гарантирован выход на новые рынки, правда, Артем Эдуардович?

«Спасибо, спасибо, Виктор Валентинович», – твержу про себя и еле заметно киваю ему. С волнением жду слова босса. Я знаю, что в среду мне придется контактировать с новыми инвесторами, партнерами, рассказывать о проекте, отвечать на все вопросы. Это сладко и волнительно. С какой-то нетерпеливостью смотрю на босса.

– Совершенно согласен со своим заместителем. Анна Степановна поистине сотворила чудо. Я думаю, все сочтут справедливым, если мы выпишем нашей прекрасной Анне премию и дадим внеочередной отпуск с завтрашнего дня. Как вы думаете, коллеги?

Конечно, всё решено, мнение «коллег» Артема Эдуардовича на самом деле интересовало мало. Кто-то захлопал в ладоши, кто-то повторил. Кто-то изумленно шептал: "Но ведь после-завтра презентация проекта... Какой отпуск..."

– Коллеги, давайте немного успокоимся, – продолжил Артем Эдуардович, – у Анны непростые времена в личной жизни. Думаю, деньги и отдых ей не помешают. Все материалы по проекту уже переданы Веронике Альбертовне.

Вот так? Вот так поступают с теми, кто молча и больше всех работает? В выходные. По ночам. Без права на ошибку. Значит, права была Лилия в пятницу, когда говорила, что я дальше носа своего не вижу и позволяю собой пользоваться? Она говорила про Славу. Неважно. Вот сейчас очень даже такая ситуация.

– Веронике Альбертовне? – непривычно громко спрашиваю я, вставая со стула так, что тот отлетает назад. – Это которая работает у нас три месяца? Которая в ваш кабинет заходит почти в каждый обеденный перерыв, а выходит с растрепанной прической, поправляя блузку?

Тишину в кабинете можно измерять в тоннах, настолько она огромная, давящая, а еще зловещая. Я б прикусила язык, да только поздно.

– Я никому не позволю в нашем офисе распространять грязные сплетни. Анна Степановна, только в знак благодарности за проект я позволю вам уволиться по собственному желанию. И, так и быть, я ценю ваш труд, премия тоже за вами.

Глава 5. Гордеев.

– Лёвушка, – продолжаю третировать лейтенанта Крюкова, хотя тот, очевидно, домой торопится, а может, к невесте своей, – помнишь, девушка приходила, плакала?

Лев делает лицо, будто задумался, хотя, конечно, ни хрена не понимает, о ком идет речь, плачущие девушки и женщины, а иногда и мужчины в отделении полиции скорее обыденная картина чем из ряда вон.

– Родинка, – напоминаю ему.

– А да, это Анна Степановна, помню, – отзывается Крюков: привычка цепляться взглядом за особые приметы дает о себе знать.

– В отместку за Диярова, видимо, мне не дали это дело. Сказали, разберутся. И кто теперь разбирается, что вообще с ней?

– Илья Марсельевич, да не из-за Диярова не дали вам это дело. Там из прокуратуры сразу же поступил звонок. Дело передали самому сговорчивому. А тот закрыл его из-за отсутствия состава преступления.

– Напомни, пожалуйста, кто у нас такой сговорчивый?

В голове проносятся, конечно, парочка фамилий, но не должно быть у нас таких мразей. Невооруженным глазом было видно, что эта Анна тряслась за свою жизнь, что визит в наше отделение – её последняя надежда, соломинка. Уверен, ей огромного труда стоило добраться до нас. И если Анну нашли те, кого она так боялась, я думаю, уже можно обзванивать морги.

Всезнающий Лёвушка отвечает быстро:

– Сайгаков. Только я вам, Илья Марсельевич, ничего не говорил, хорошо?

Надо звонить Сайгакову. Дело он мне, конечно, не даст. Надо хотя бы заявление найти. Где-то ж оно должно быть зафиксировано. Если Сайгакову начальство сказало закрыть дело – он закроет. Тут надо надавить. Причем довольно ощутимо. Вот в таких случаях шантаж – наше всё. Такие как Андрей Сайгаков весьма осторожны, это не раздолбай Дияров. Андрей к каждому делу ответственно подходит. Ответственно – это значит, с учётом мнения начальства, взвешенно: выгодно ли закрыть дело, а может надо расследовать быстро, но тщательно? Все варианты Сайгаков умел выполнять на ура. За ним не водилось грешков типа взяток или служебных романов, у него не было детей-балбесов, которых надо было отмазывать пользуясь служебным положением. В этом сейчас была определенная сложность.

Очень редко мне приходилось рыть информацию на своих коллег или сослуживцев: неприятное, противное дело. В этот раз помогли связи, энтузиазм и уверенность, что даже на солнце бывают пятна. Через три дня я уже кое-что знал о некоторых деталях в биографии Сайгакова. Звонил уверенно. Сайгаков будет со мной считаться. Пусть мне пеняют вынужденное увольнение Диярова, зато напомнил тогда: в полиции нет места слизнякам. А если кто-то считает иначе, у меня есть свои рычаги воздействия, свои люди, с принципами, с которыми мы не раз пересекались во время моего военного прошлого.

– Здравствуй, Андрей. Тебя беспокоит капитан полиции Гордеев. Так что там с делом той, у которой родинка на шее еще страшенькая?

– Так нет дела, Илья Марсельевич. Говорят женщина-то того, не совсем в себе, в больницу ее надо, а может и уже увезли.

Меня трясет. Меня до сих пор трясет от таких тупых «нет_дела_жертва_сама_виновата». Эта девушка пришла к нам со слезами отчаяния, уверенная, что ее жизнь висит на волоске. Очевидно ж, что «нет дела» – только потому, что кому-то чертовски выгодно. Выгодно так,

что кто-то сейчас или уже мертв, или балансирует на грани между мирами, или ее умело и методично превращают в овощ. Уверен, что Сайгаков все понимает, и от этого ещё тошнее.

Забыл сказать: когда меня трясет от таких «нет дела», слезами и кровью умываются все, даже те, кто считал толстый кошелек и свое кресло панацеей.

А запах крови я чувю издалека и много заранее. Клянусь, если с этой Анной что-то случилось, Сайгаков и еще парочка человек будут лететь вниз по карьерной лестнице быстрее Диярова.

Дорогие читатели!

Рада пригласить вас познакомиться с интригующей историей из нашего литмоба «Следствие ведет любовь»

Ника Верон

Бывшие. Детектива заказывали?

<https://litnet.com/shrt/PMzM>

Глава 6.

Гордеев

– А теперь, Андрей Андреевич, будь добр, подробнее.

Сайгаков мнетя всего секунду, а потом начинает быстро, будто хочет быстрее от меня отвязаться, объяснять:

– Анна Степановна пришла к нам в состоянии, близком к истерике. Есть все основания утверждать, что это состояние объясняется не угрозами для её жизни от некой организации, а осенним обострением. Илья Марсельевич, думаю, нет надобности объяснять, что психические заболевания имеют склонность обостряться именно осенью. Октябрь нынче темный, холодный, депрессивный, еще и полнолуние.

– Лирики не надо, не на уроке литературы. Только по существу. Она где-то наблюдается? Как попала в «Воронку»? Есть ли близкие или родные? И, конечно, ты понимаешь, что без желания пациента в лечебное учреждение никого не могут поместить. Это если все делать по закону. Так как насчет этих мелочей?

Уверен, на половину поставленных вопросов Сайгаков не имеет ответов вообще, а на другую половину может ответить только весьма приблизительно. Скорее всего, полковник получил звонок из прокуратуры, пожелания вышестоящих лиц были учтены. Сговорчивый Сайгаков послушно покинул – и всё, дело закрылось, так и не открывшись, то есть даже малейшего шанса на спасение Анны Степановны дано не было.

– Моё рабочее время закончилось, капитан Гордеев. Я не обязан перед вами отчитываться ни в рабочее, ни тем более во вне рабочее время. Все вопросы вы можете адресовать инстанциям выше.

М-да, Сайгаков не Дияров, но и я не зря тратил время, рыская по страницам его прошлого.

– Будьте уверены, следователь Сайгаков, если я захочу пройти по инстанциям выше, я адресую им немало вопросов. Не только про Анну Степановну, но и про то, как в нашей доблестной полиции могут служить личности с неоднозначным прошлым – армейским прошлым...

– Пытаетесь шантажировать, капитан Гордеев? Зря. Мое прошлое чистое. Поэтому не надо на меня давить.

– Оно чистое после того как его подчистили. А я выведу на белый свет черновик твоего прошлого, Сайгаков. То, от чего ты бежал, чего боялся и до сих пор боишься.

Сайгаков тоже переходит на «ты», но его бравада уже шатается, ой как шатается. И я от этого получаю небывалый кайф. Даже когда он пытается припугнуть меня:

– Капитан Гордеев, ваше положение тоже весьма шаткое, начальство не очень-то довольны вами. Я бы не стал усугублять ситуацию.

Если бы начальство могло, оно бы давно уволило меня, потому что некоторым я как кость в горле. Вот и сейчас, в деле Анны Степановны я побуду этой костью. К счастью, у меня есть не только принципы и честное имя, но и кое-какие дружки со связями. Думаю, Сайгакову и это прекрасно известно.

– Я жду, Сайгаков. У меня свободны весь день и ночь. Свою электронную почту вышлю эсэмэской. И ещё: думаю, будет лучше, если в прокуратуре о нашем разговоре не узнают. Впрочем, смотри на себя. Твоей выгоды здесь больше.

Что и требовалось доказать. Пометавшись, видимо, часа два, Сайгаков отправил мне на почту копию заявления, написанную от руки Анны Степановны.

Что я вижу? Девушка нервничает, действительно близка к истерике. Почерк неровный, то бежит вверх, то падает вниз. Буквы угловатые. Но нажим, судя по всему, твердый, девушка

писала, ничуть не сомневаясь в своей правоте. Ну это ладно, графолог из меня может и не бог весть какой. Изучаю содержание.

«Я, Корнеева (зачеркнуто) Лебедева Анна Степановна, 20.09. 1998 года рождения, прошу привлечь к уголовной ответственности организацию «Воронка», которая предложила мне помощь, как моральную, так и материальную, но это было сделано в мошеннических целях. Теперь я боюсь, что они могут лишиться меня и имущества, и жизни. У меня были сложные времена после развода и увольнения с работы, нужна была поддержка, и я начала активно взаимодействовать с этой организацией. С 10 сентября текущего года я проживаю в помещении, принадлежащей данной организации. Ко мне приставили психолога, который должен был помочь прийти в себя. Но подозреваю, что он преследовал другие цели. Очень скоро я стала замечать ухудшение самочувствия, мысли депрессивного характера вернулись и усилились. Под психологическим давлением я переписала большую часть своих активов в фонд «Воронки», в настоящее время организация занимается продажей моей квартиры в центре города и, несмотря на мои просьбы вернуть, мой паспорт тоже находится у них. У меня есть основания подозревать, что в ближайшее время по отношению ко мне будут применены насильственные физические действия и действия сексуального характера».

Далее были перечислены причины, по которым Анна Степановна думает, что ей будет причинен физический вред вплоть до ликвидации.

Я б руки оторвал тому, кто проигнорировал этот крик души.

Здесь не дело закрывать надо, а бежать спасать эту Анну.

Предстояла тяжелая ночь, потому что «Воронка», про которую было написано в заявлении, нигде в нашем городе зарегистрирована не была. В заявлении, вопреки всем правилам, не было и адреса самой Анны. Хотя ее, скорее всего уже выписали из квартиры. Но ведь она могла написать примерное местоположение той же «Воронки», не с закрытыми глазами же ее везли туда?

Не люблю доставать людей ночными звонками, но заглушаю угрызения совести и набираю Павлика – нашего айтишника.

Дорогие читатели!

Рада пригласить вас познакомиться с шикарной новинкой из нашего литмоба «Следствие ведет любовь»

Ди Варго

По горячим следами

<https://litnet.com/shrt/PdPf>

Глава 7.

Аня

Последние годы своей жизни бабушка провела в нашей квартире и, нехило сдав после смерти деда, стала ворчливой, привередливой. Однако нет-нет, да долетали от нее интересные фразочки, поговорки, которые засели и в моей голове. Ворча на маму, которая и так, и эдак старалась ей угодить, бабушка говорила: «На что мягко стлать, коли не с кем спать?»

Только сейчас, когда в квартире нет Славы, начинаю понимать бабу Надю. Иногда засыпала прямо в одежде в кресле, чаще – захватив первое попавшееся покрывало – на диване. Счастливые люди залипают в соцсети – я, пролистнув чужих два поста или рилса, выключала комп или телефон. Умные люди находят успокоение в книгах – у меня закладка пятый день стоит на пятой странице. Я б даже согласилась сейчас переест и набрать лишний десяток килограмм, лишь бы найти хоть какое-то успокоение.

Вместо этого вновь и вновь казнию себя словами близких или не очень людей, некоторые слова додумываю, некоторые сами всплывают на поверхность памяти откуда-то издалека, из прошлого. Словно ждали вот этот самый день – день, когда я буду наиболее уязвимой.

В пятнадцать лет к нам начал захаживать мальчик из параллельного класса. То уроки хотел поделать вместе, то в интернете что-то смешное хотел показать, в кино звал. Стёпка мне нравился исключительно как друг, вообще все мальчишки нашего возраста были еще будто бы детьми и их попытки ухаживать мы, девчонки всерьез не воспринимали. Зато грезил о старшеклассниках, споря на кого посмотрел Миха или Артур. Стёпка же со своей навязчивостью начинал уже надоедать и я как-то я попросила сестру сказать, что меня нет дома, на что она возразила:

– Встречалась бы со Степкой, нормальный парень. Думаешь, к тебе с твоей родинкой штабелями поклонники будут укладываться?

Да и дома, когда родители пеняли Тане, что она совсем не готовится к экзаменам и приводили в пример меня, она не раз заявляла:

– Так нашей Анюте единственный шанс выбиться в люди всю себя карьере посвятить, а я всё же хотела бы жить красиво и беззаботно, а карьеру и деньги у меня муж будет делать.

И когда Слава – красивый, спортивный, из хорошей семьи сделал мне предложение, я была на седьмом небе от счастья. Мы ездили в отпуск, куда Слава хочет; я готовила блюда, которые Слава любит; по вечерам я делала ему массаж воротниковой зоны, чтобы нужная офисная работа пагубно не влияла на его здоровье. А потом мы задумались, точнее, даже не задумались, а только начали мечтать о детях. И Слава сказал:

– Я и мальчику буду рад, и девочке, лишь бы твоя родинка не перешла к ним.

И я снова будто бы пережила маленькую смерть. Я опять замерла, забыла как дышать, застыла в той позе, где меня настигли эти слова. «Это не смертельно», твердила я себе, но по ощущениям это была именно она – маленькая смерть. Мне надо было время, чтобы прийти в себя: сначала погрузиться в жар, а потом начать дрожать от озноба, и наконец, только потом приходило смирение с тем, что и сестра, и Слава были правы: я не такая как все. Даже в зале суда, кажется, я более всего боялась, что Слава прилюдно упомянет о моей уродливой родинке, как одной из причин развода.

Кто бы мог подумать, что на этот раз спасёт меня тот же Стёпка, который уже стал Степаном Валерьевичем, хотя где и кем он работает, я так и не смогла узнать. Зато впервые за много лет узнала, каково это – когда тебя принимают и любят такой, какая ты есть. Я поняла, что я – не функция, которая готовит ужин, делает массаж, готовит проект, и взамен заслуживает каплю любви и принятия. Нет! Это было потрясающее чувство, что мне не надо прятать

родинку, не надо чего-то заслуживать, хватает того, что я – есть, я – творение высших сил и единственное, что я должна – быть благодарной им за жизнь на Земле, которую они сотворили равной.

Дорогие читатели!

Рада пригласить вас познакомиться с ещё одной новинкой нашего литмоба «Следствие ведет любовь»

Мэри Ли

Секрет хозяина Тисовой усадьбы

https://litnet.com/shrt/m_y8

Глава 8.

Постепенно приходило спокойствие, а может это была пустота. Когда Стёпка объяснял, рассказывал, смутное волнение еще владело мной. Я даже попыталась облачить эти тревоги в полущутку:

– А почему организаторы решили присвоить такое странное название – «Воронка»? Вроде бы ничего хорошего в воронке нет, тебя несет на верную погибель вопреки твоим желаниям и воле?

Степан же не видел в названии ничего странного:

– Нюся, а может нам порой и надо вот так? Чтобы нас несло нам же вопреки? Мы, люди, хоть и гордо называем себя человеком разумным, часто просто слепы. Не видим, ради какой радости, ради какого счастья сотворил нас Бог. «Воронка» помогает развить в себе духовные энергии до такой степени, что человек безоговорочно, бесстрашно сам бросается в пучину высших энергий на пути к вечному счастью.

Честно говоря, я даже толком не слушала, что он говорил дальше, потому что вот это забытое со школьной скамьи «Нюся» что-то задело в груди. Ни для кого и никогда я не была Нюсей, только Степка так меня называл. А я бесилась. А сейчас – нравится.словно в беззаботное школьное время окунулась.

– Слушай, а твоя Лилька где, как, вы до сих пор с ней неразлучны?

Может, мне только кажется, но в голосе Стёпки как будто звучит неприятие, отторжение моей лучшей подруги. Хотя особой любви между ними и раньше не было. Если сестра прямо сватала меня за Стёпку, то Лиля называла его скользким как улитка.

– А Лилька у нас деловее чем мы будем, она уехала стажироваться, приедет только через месяц.

Чувствую какой-то подвох в том, что Стёпе нравится эта новость. Но почему? Он же знает, что в сложной ситуации я всегда рядом с подругой. И сейчас, честно говоря, мне уже стыдно за то, что не брала телефон, не позволяла Славика называть козлом и ругалась. Сейчас бы я с удовольствием выпила бы черный кофе вместе с подругой. Но вскоре причина радости Степана становится ясным:

– Ну, тогда я за Лильку пока побуду в твоей жизни. И первым делом мы отправимся в «Воронку». Тебе понравится, я уверен. Дышать легче станет, Нюська. А потом сама туда побежишь, обещаю! В такие места кого попало не приглашают, туда идут – избранные.

– Я – избранная? Стёп, ну не смейся, ей-богу. Избранная у нас Вероника Альбертовна.

– Это ещё кто? – хмурится Степан.

– Да никто, не обращай внимание. Ей всего лишь отдали мой проект.

«А ещё избранная – это Инга», – думаю про себя. Раз Слава решил, что с ней семья краше, лучше, красивее, и ради неё можно нашу с ним жизнь рушить до основания – ну точно избранная. Ради простых женщин таких подвигов не совершают. А уж ради тех, кто с такой родинкой как у меня – подавно. Нас разве что пожалеть можно. Один раз. А потом и на мусорку не обидно.

– Нюся! – грозит пальчиком Стёпа, – у тебя все мысли на лице написаны. И ладно была бы хоть одна нормальная – нет! Ты – самая красивая женщина на свете. У тебя прекрасная родинка, которая вовсе тебя не портит. Но ничего, завтра я тебя в «Воронку» отведу, глупости сразу из головы выветрятся.

Степка смешной. И вовсе он не скользкая улитка, как говорит Лиля. Настоящий друг. И рассмешит, и утешит, и какой-то выход предложит. Решено: посмотрю что за зверь такой эта «Воронка», в конце концов, меня великодушно отпуском одарили.

Дорогие читатели!

Рада пригласить вас познакомиться с шикарной новинкой из нашего литмоба «Следствие ведет любовь»

Наташа Айверс, Вивиен Ли

Когда мёртвые шепчут

<https://litnet.com/shrt/bMm7>

Глава 9.

И вовсе «Воронка» не страшным местом оказалось. Снаружи – неприметное, двухэтажное здание цвета красного кирпича. Внутри – ощущение величественности. Здесь нет роскоши, отнюдь. Но тебя окутывает какая-то одухотворенность, что ли. На душе спокойно становится. Всё как в общинах, религиозных сообществах, даже обращались ко мне не иначе как «сестра».

– Как ты? – спрашивает Степан.

– С момента развода мне еще не было так хорошо, я здесь грудью полной вздыхаю.

Степка легонько щелкает меня по носу, вновь возвращая в беззаботные школьные дни.

– Пошли, заполнишь анкету. Паспорт же с собой?

– Он всегда со мной, – гордо заявляю, еще не чувствуя ни малейшего подвоха, ни о чем не задумываясь.

– Вот и хорошо. Знаешь, в какое время живем: формальности пытаются душить нас даже вот в таких сакральных местах, хотя наш Учитель предпочитает строить отношения на искренности и доверии.

– Хорошо у вас, – искренне радуюсь тому, что попала сюда. – Доверие сейчас стало дефицитом. И особенно больно тогда, понимаешь, что твое доверие к близкому человеку – и есть твоя уязвимая точка.

– Здесь ты научишься доверять, даже если жестокий мир непросвещенных людей разучил тебя этому, – уверяет Степан.

Было удивительно, что Учитель, о котором Степан так много и так рьяно говорит, оказался не мудрым седовласым старцем, а обыкновенным мужчиной средних лет. И если смотреть на него так близко, как мы сейчас со Степкой, ничего особенного в нем не было. Наоборот, мне не очень понравилось, как он посмотрел на меня и показал поднятый большой палец Степану. Разве так должны общаться Учитель и Ученик?

– Я буду называть тебя Сестрой, потому что каждый, кто приходит в нашу обитель добра и доверия для меня как брат или сестра. Ты обращай ко мне «Учитель», хорошо, сестра Анна? Скажи, испытывала ли ты когда-нибудь, особенно в последнее время стремление изменить себя, изменить мир. Разочаровывалась ли в несовершенстве того мира, где вынуждена жить? Ведь не секрет: избранным очень сложно жить в окружении людей с низкими вибрациями.

Я задумалась. А ведь действительно, мужчина прав. Мне было сложно. Сложно со Славой, сложно с Артемом Эдуардовичем. Это были настоящие предатели, паразиты, которые пользуются людьми, а потом выкидывают их на обочину словно мусор. Во мне даже разыгралась гордыня: как было бы хорошо, если б я жила в окружении людей, про которых Учитель говорит «избранные с высокой вибрацией». Учитель видимо, видел во мне эту перемену, готовность все бросить и присоединиться к ним, но отметил:

– В этом здании очень высокий энергетический потенциал. С непривычки может заболеть голова. Пожалуй, на сегодня хватит. Я иногда читаю лекции, иногда мы медитируем, если хочешь, приходи. Думаю, Степан тебе поможет, он – один из моих лучших учеников. Но подумай: действительно ли ты хочешь принять нашу картину мира или тебе лучше оставаться в низкочастотном мире с людьми, которым нет спасения в высшем мире. «Воронка» никого не забирает к себе помимо его воли.

Я обещала подумать, но точно знала, что приду сюда ещё. Кажется, моя жизнь начинала обретать смысл.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас познакомиться с увлекательной историей, которую для вас подготовила

Анна Но

<https://litnet.com/shrt/kS1p>

Глава 10.

Если сентябрь в этом году был теплым, почти по-летнему ласковым, то октябрь ужеезде размазал грязь, а в ноябре существенно похолодало и вовсю пахло зимой. Я всё это видела, но не чувствовала. Для меня все дни вдруг стали обыкновенно прекрасными. Именно так: не хорошими, а прекрасными.

Я летала, а не ходила; моим самым лучшим другом и опорой стал Степан; на почти все свои вопросы я находила ответы у Учителя; а их у меня стало появляться больше. Не те, которые задавала Лиле или себе «За что Слава так поступил со мной?», «Как я буду жить без Славы?», «Почему босс лучшие проекты отдает красивым девушкам, а я со своей родинкой остаюсь в роли пашущей лошади?».

Как раз эти вопросы меня вообще перестали волновать, ответ очевиден, и он связан с несовершенством мира. Этим людям никогда не увидеть лучший из миров, никогда не переродиться в лучшем воплощении; их мышление и восприятие мира на уровне кузнечика, такова их судьба: даже если при следующем рождении будут людьми, их жизнь будет напоминать судьбу кузнечика, прыгающего туда-сюда и весь талант которого заключается в умении слиться с окружающей средой, прожить максимально незаметную и бездарную жизнь.

Другое дело – «Воронка». У меня захватывало дух, когда я сюда заходила. Я искренне завидовала тем, кому было позволительно жить здесь. Эти люди выглядели по-другому, казалось, они вообще живут в другой, пока не доступной для меня реальности. Даже Степка однажды заметил мой взгляд и словно прочитал мысли:

– Завидуешь им белой завистью? Даже я не могу решиться на то, на что решаются такие люди. Тоже с почтением смотрю на них, вижу, как они меняются, радуюсь за них. Ты не представляешь, через что пришлось пройти некоторым из них! И только «Воронка» смогла их вернуть к жизни.

Интересно, Учитель им сам предложил остаться жить прямо в «Воронке»? Или они подходили, спрашивали, что-то изучали, проходили какой-то этап типа стажировки? Я надеялась, что потихоньку смогу узнать это, проявляла крайнюю внимательность к происходящему, старалась задавать вопросы Степке. На прямые вопросы мой школьный друг не отвечал.

– Всему своё время, Нюся. Всего себя отдать «Воронке» – это серьезный шаг, к которому ты пока не готова, – говорил Степан.

На прямые вопросы Степка не отвечал, но продолжал завлекать рассказами о людях, которые смогли совершить этот главный шаг в своей жизни.

– Видела сестру Маргариту? Раньше ее судьбе бы никто не позавидовал.

Сестру Маргариту я видела на лекциях Учителя, это была полненькая симпатичная женщина лет пятидесяти. Она с восхищением смотрела на Учителя, а иногда забывалась, словно вылетала из реальности, погружалась в свои мысли, улыбалась чему-то, что знает только она.

– Вот такое вот умиротворение она нашла только здесь, – продолжил Степан. А когда пришла сюда, ее без слез невозможно было встретить. Казалось, вся ее жизнь состоит из потока слез. Муж бросил ее десять лет назад. Дети выросли и покинули родное гнездо. Из троих детей только одна время от времени ее навещала, а остальные даже внуков не показывали.

– Почему ее дети так жестоки?

– А почему твой Славик изменял тебе? Почему босс отдает твои проекты тем, с кем он спит? Низкая вибрация. Больше тому нет объяснений. Такие люди притягивают весь земной негатив и распространяют его, заполняя землю своей ядовитой сущностью. Ты, я, сотни других, кто познал «Воронку» могут изменить эту реальность, но в наших руках слишком мало сил.

А вот сестра Маргарита и другие, кто живет здесь под крылом Учителя и его помощников обладают куда более мощным потенциалом. Такие как она – наша опора.

Каждый раз, когда я приходила в «Воронку» всё больше обращала внимание на этих людей. Я хотела к ним! Я восхищалась ими! Доброта, улыбка, мягкость, принятие мира и себя, абсолютное спокойствие – я тоже хотела стать такой. И однажды уже в открытую поделилась своим желанием со Степаном.

Степка, казалось, был доволен. По крайней мере на его лице отразилось абсолютное удовлетворение. Однако слова звучали несколько иначе:

– Понимаешь, Нюся, сейчас ты можешь уйти, Ты можешь завтра приходить на лекцию, медитацию, конференцию, а можешь не приходить. Каждый тебя поймет. Низкие вибрации очень сложно отпускают от себя даже просвещенных людей. Но слияние с «Воронкой» на другом, более высоком, втором этапе, подразумевает отказ от всего, что притягивает низкие вибрации. Ты уверена, что сможешь отказаться?

– Я не знаю, что притягивает низкие вибрации, Степка. С людьми, которые живут только ради материального, я уже не общаюсь. Даже наши контакты с Лилей прекратились, хотя она еще неделю назад снова пыталась дозвониться до меня, даже домой приходила, но я не открывала дверь. С работы я ушла окончательно, со Славиком не общаюсь. Что мне еще сделать?

– Не только люди притягивают в твою жизнь негативные вибрации. Все материальное тоже заставляет тонуть в пучине невежества. Я не обвиняю тебя ни в чем. Я сам еще не достиг такой точки роста, что готов отказаться от всего материального.

– Но ведь может оказаться, что ты не готов, а я готова? Извини, но может же быть такое? Что надо сделать? Держать что-то наподобие сложного поста?

– Нет, – голос Степана прозвучал очень серьезно. – Это значит отказаться от всего материального, включая движимое и недвижимое имущество.

Дорогие читатели!

Рада пригласить вас познакомиться с шикарной новинкой из нашего литмоба «Следствие ведет любовь»

Люсия Веденская

Бедная Лаура. Умерла дважды.

<https://litnet.com/shrt/60dL>

Глава 11

Глава 11.

Слова Степана долго не выходили у меня из головы. Смогу ли, готова ли я к тому, чтобы отказаться от своей квартиры и начать жить в «Воронке»? С одной стороны, мама меня учила:

– У девушки должна быть своя опора. Квартира, отложенные деньги на черный день. Ничто не постоянно в этом мире. Даже любовь, от которой кружится голова, может пройти, и тогда, ты либо свалишься от головокружения в сточную канаву и будешь бороться, чтобы не подохнуть от голода, либо упадешь на мягкий диван в своей квартире и укроешься пледом, отдохнешь, поплачешь, поспишь и с новыми силами начнешь новую – лучшую жизнь.

Мамин совет помог: даже после развода со Славой я не осталась ни с чем. Как бы Слава не захотел, моя квартира осталась моей.

Но может, именно она меня и тянула вниз? Я внимательнее присмотрелась к сестре Маргарите, прислушивалась к ее голосу, оттенкам интонации. Я хотела найти или, наоборот, боялась найти там нотки горечи, признаки раскаяния от совершенного поступка, хотя бы какую-то растерянность, но нет, ничего такого не было и в помине!

Наконец, я осмелела и, улучив минуту, спросила у сестры Маргариты:

– Вы знаете, я здесь недавно. Меня брат Степан пригласил. Мне очень нравится и я даже подумываю, чтобы отказаться от материального и вступить в ваш клуб избранных. Но мне немного страшно. Скажите, это нормально – так бояться? Или я действительно еще не готова? А как вы решились?

Ни одна эмоция не изменилась в лице сестры Маргариты, только глубокое спокойствие и, как мантру, она повторила то, что говорит Учитель на лекциях:

– Сомнения, тревога, опасения – признак того, что низкая частотность вас пытается удержать. Ты можешь остаться там, на прежнем уровне, а можешь шагнуть навстречу своему страху, преодолеть сложную, страшную степень и изменить свою жизнь. Я смогла. Сможешь ли ты – зависит от тебя, твоего выбора.

Эти слова развеяли мои последние сомнения. Действительно, за страхом часто скрывается наш потенциал, наша сила. Еще немного подумав пару дней, я решилась.

– Добро пожаловать в новую жизнь, сестра Анна. Уверяю тебя, вскоре ты забудешь о своей прошлой жизни, о всей боли, что она тебе принесла, – сказал мне Учитель 28 октября, ровно через 3 месяца после того, как мы со Славой развелись.

Тогда я еще помнила о своем прошлом, и оно тупой болью, но все же отзывалось в теле и в сердце. Но я твердо знала: совсем скоро я достигну того уровня совершенства, что буду вспоминать о нем без эмоций, без боли, как выученный и забытый за ненужностью урок.

Дорогие читатели! С радостью предлагаю познакомиться с еще одной новинкой нашего литмоба "Следствие ведет любовь"

Галина Доронина

Тени горных троп

<https://litnet.com/shrt/xWOa>

Глава 12.

Глава 12.

– Сестра Анна, чего ты боишься?

Голос Учителя мягок, а глаза холодны. Поэтому вроде бы и проявляет участие, а мне легче не становится. Но моя опора – Степан крепко держит мою ладонь в своей руке. Он уже раз десять повторил, что гордится мной, что я совершила поступок, на который сестры и братья, пришедшие в «Воронку» много раньше меня, не могут решиться. Да что далеко идти, он и сам такой! Вполне возможно, что мой поступок и его подтолкнет к решительным действиям.

Я нервничаю. От того, что Степан повторяет одно и то же несколько раз легче не становится, наоборот, срабатывает какое-то внутреннее сопротивление.

Моя нервозность понятна. Решающий шаг, способный изменить твою жизнь, разделяющий ее на «до» и «после» всегда вызывает сумбур. Пытаюсь успокоиться. Через 10 минут начнется медитация в общем зале, и я точно обрету спокойствие. Так и отвечаю Учителю. Он ободряюще дотрагивается до моей руки. Еще вчера я смотрела белой завистью на тех, кто удастаивался такого особенного расположения от Него, но тут автоматически отдергиваю ладонь. Взгляд Учителя остужает, но вслух никто ничего не говорит.

Я была права. Медитация снимает нервное напряжение. Непривычность не нервирует, а восхищает. Я не возвращаюсь сейчас домой, а иду в соседний блок здания, где для меня приготовлена отдельная комната. Я должна гордиться собой.

Горжусь. «Воронка» дарит спокойствие, она для избранных, но пути земного мира столь запутаны, скользки, что нуждающиеся, избранные не могут найти свой путь в «Воронку». Только что моя квартира стала частью имущества «Воронки». Пусть она послужит для благих целей. Часть прибыли от продажи, как объяснил Учитель, пойдет для изготовления печатной и даже цифровой продукции о нашем учении, часть, конечно, послужит непосредственно для нас – меня, сестры Маргариты и других братьев и сестер, живущих в здании «Воронки», чтобы мы были сыты, одеты, жили в тепле.

Спокойствие, которое подарила медитация, оказывается временным явлением. Ближе к ночи моя тревожность возвращается. Согласно правилам, я больше должна уделять время внутреннему миру, расширению сознания, а не общению с братьями и сестрами: оно является достаточным и на лекциях, медитациях, собраниях.

Как нехорошо, знаю, борюсь, но впервые почти бунтую с местными правилами и решаю найти комнату сестры Маргариты. В первый день же простительно чуть-чуть нарушить устав, я же нее давала обет одиночества?

Вежливый стук, и в ответ раздается тихий голос Маргариты, разрешающий войти. Мельком бросаю глаза: точь-в-точь как в моей комнате, включая постеры с обещанием вечного счастья. Только счастье здесь казалось каким-то убогим, что ли?

Что-то гнетущее было не только в моей, но и ее комнате. Дело не только в небольших размерах, все ж мы жили каждая отдельно, а для одного человека много ли надо пространства? Наверное, много. Потому что в своем доме я выращивала огромное количество цветов. До «Воронки» я с любовью ухаживала за ними, мои любимые бальзамин, фикусы, фуксия, орхидея получали внимание сполна и отвечали взаимностью: сочная зелень радовала глаз, а яркие цветы приносили праздник в мою жизнь. Что с ними сейчас? Почему я о них совсем забыла? Надо пойти к Учителю и спросить, возможно ли пойти в дом и забрать сюда хотя бы парочку.

Смотрю на сестру Маргариту, всегда одинаково веселую, радостную, только ее радость сейчас казалась какой-то убогой. Хочется подарить ей капельку праздника, и вместо ритуального приветствия спрашиваю:

– У меня в квартире осталось много цветов. Хочешь, подарю тебе свой любимый бальзамин?

Пустая радость в глазах сестры Маргариты сменяется какой-то печалью, но эта грусть была уже не пустой, какая-то осмысленность на миг мелькает в ее взгляде. Она даже мечтательно произносит:

– Бальзами-и-н... Любимый цветок. У меня тоже был. БЫЛ.

Но затем в ее глазах начинает мелькать испуг, и она спешно заявляет:

– Так нельзя, сестра Анна. И не вздумай идти в свою квартиру. Она уже не твоя. Это страшно.... Очень страшно. Лучше попроси Учителя открыть общий зал, возьми диск и лиш- ний раз медитируй, очищай свой дух. Нельзя... Нельзя, сестра Анна.

Почему-то я впервые думаю, что речь сестры Маргариты, выражение лица, реакция на мои слова какие-то странные, не как у нормального человека. Почему-то думаю, что это не может быть признаком просветления. Успокаивающе хватаю ее ладони и молча держу их в своих.

...И все же, что плохого, если принести сюда, скажем, бальзамин и герань? Это же не люди и даже не животные. Их нельзя обвинить в низких вибрациях. Что неправильного, если я взгляну одним глазком на свои цветы, а будет возможность – захвачу с собой, ну не выгонят же меня отсюда из-за этого?

Мои дорогие, сегодня скидка на мои книги:

Оставь свою жалость для (себя) меня

Он – нелюдимый телохранитель, она для него – избалованная соплячка. У него было нелегкое детство, а какие травмы исцарапали ее душу – он даже не подозревает. Они ненавидят друг друга, только... ненависть ли это на самом деле?

<https://litnet.com/shrt/8MsD>

Развод. Белая Арагви

Алина – отличница и правильная девочка в прошлом. Только ее «правильность» приносит одни печали: даже любимого парня она застает в объятиях с другой. И тогда она решает сделать ему больно, но не напрямую, а через его любимую сестру Ди. И это решение становится долгим, болезненным и очень обходным путем к собственному счастью.

https://litnet.com/shrt/_Sre

Книги завершены, читайте с удовольствием!

Глава 13.

Ноябрьский воздух проникает через маленькую форточку, заставляет натягивать одеяло до подбородка. Точнее, это я открыла форточку, чтобы пустить в свою каморку глоток чего-то свежего. Да, комнатой мне свое помещение называть не хочется, каморка она и есть каморка. Хорошо отапливаемая, она не давала замерзнуть зимой, но воздух был каким-то спертым.

Ноябрь начинался с надежд, связанных с вступлением в новую жизнь. С надеждой на обретение новых друзей, на познание чего-то светлого, истинного. Этой надежды хватило недели на две.

Но теперь эта надежда таяла на глазах. Сестра Маргарита из вечно веселого человека на глазах превращалась в какой-то чурбан, не имеющий никаких эмоций. Разве только на общих медитациях ее лицо озаряла какая-то ненормальная улыбка. А в последний раз из зала ее вывели за руку два охранника. Практически случайно я услышала их фразы, после которой волосы на моих руках встали дыбом:

– Ну что, скоро и эту в утиль?

– Похоже, да. Говорят, скоро еще одну новенькую заманят.

Ни сожаления, ни радости в этих фразах не было. Охранники будто бы обсуждали обыденный рабочий момент. Правда, один обернулся, посмотрел на меня, на что я поспешно опустила глаза, ткнул второго в бок и они поспешно удалились вместе с болтающейся между ними сестрой Маргаритой.

...Мне снились мои герани, замерзающие под крупными хлопьями первого снега. Я любила цветы, как большинство женщин: любила за красоту и уют, который они создают, но без фанатизма. А тут как будто заклинило. Закрывала глаза, вырубалась и переносилась в свою квартиру, где было темно, где все было чужое. В квартире – в моей квартире толпились чужие люди, безобразные, с обросшей щетиной. Сон за сном они выкидывали мои цветы на ноябрьский мороз, и сегодня оставалась последняя герань, моя любимая, с ярко-алыми лепестками. Снежинки кружились в воздухе, и только редкие из них долетали до моей герани, оседали на листьях и на алых лепестках. Цветок будто дарил им свое тепло, отчего снежинки таяли, оставляя на лепестках мокрые слезы. Каждая такая растаявшая снежинка-слеза губила мою герань, она погибала на моих глазах, погибала плача, молча моля о помощи.

Мне очень редко снились такие красочные, запоминающиеся сны, может, поэтому, вот этот, последний так и не выходил из головы. Я просила Учителя, просила Степана, которого, как ни странно я начала видеть очень редко, отпустить меня на выходные из «Воронки».

– В тебе говорит сопротивление. И эти сны – происки низкого в тебе начала, очень хитрого, коварного. Ты, наоборот, должна держаться поближе к Учителю, – твердил Степан. И как всегда, последовал привычный совет – почаще медитировать.

Я послушная девушка, правильная, ведомая, я честно пыталась следовать их советам, первоначальные порывы увидеть свою квартиру давно были задушены мною на корню.

– Степан, я хочу одним глазком взглянуть на те места, где провела достаточно большую часть своей жизни, где вила гнездо, где надеялась прожить в счастье и любви. Неужели я не заслужила немножко свободы? От этого моя преданность «Воронке» никуда не уйдет! Наоборот, я буду с большим рвением служить во имя вашего учения.

– *Нашего*. Нашего учения, Нютка, – недовольно поправил меня Степан. – Но хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать.

И Степан придумал. Через пару дней я стала одной из тех, кто ходит по улицам города, остановкам метро и раздает листовки. Степан предупредил: по правилам, приближаться к

местам, где был мой дом, мне строго запрещено. Но издали я могу посмотреть на свой дом. «И только. Это важно. Это очень серьезное правило», – предупредил Степан.

И продержалась я, к своему позору и несчастью, всего один день. Я не готова была расставаться со своим прошлым. То, что я чувствовала смутно, стало явным: **Я НЕ ГОТОВА РАССТАТЬСЯ С ПРОШЛЫМ.**

Я раздавала буклеты, книжки проходим. Конечно, Степан присматривал за мной. И на третий день сказал:

– У меня есть кое-какие дела. Нютка, ты всегда была отличницей и умницей, не подведи, хорошо? А я вернусь через час.

Если б я знала, к чему это приведет...

Если б я знала, что Степкой, таким родным и близким, движет не дружба и симпатия, а страсть к большим деньгам...

Я б осталась стоять в стороне от дома. Смотрела бы на знакомую крышу, на смутные силуэты возможно знакомых людей. Но не бежала бы как оголтелая навстречу своему несчастью. Не вбежала бы почти в объятия бабы Симы, которая ахнула, увидев мои книжки на руках:

– Ах, Анюта, так ты этим негодяям свою квартиру отдала??? Да что ж такое творится-то...

Не зашла бы в ее квартиру на чашку чая.

Да что там, я б бежала не только при виде знакомого дома, но и знакомой остановки так далеко, как только могла. И тогда все были бы живы-здоровы. И баба Сима, и я.

Глава 14.

Три месяца спустя

Капитан Гордеев

– Что это он в прокуратуру как на свидание собирается? – слышу голос одного из коллег, обращенного к Лёвушке.

– Так он и ходит на свидания, аж через день, – почти ржет последний.

Тот, новенький, напрямую у меня спрашивать не решается, впрочем как и многие. На работе только смотрят, как я через день из угрюмого капитана превращаюсь во вполне человеческого гражданского, и за глаза, а самые близкие и в глаза подшучивают над моими походами в больницу.

Так а кто виноват, что Анна наотрез отказывается говорить с людьми в форме? Уж не мы ли сами, а точнее дебил Сайгаков, который не принял ее заявление и в итоге девушку чуть ли не замуровали в клинике неврозов? И не в какой-нибудь, а в самой жуткой, частной, в той, в которой не гнушаются идти против закона, против всех писанных и неписанных правил. Понятно, что за клиникой стоят серьезные люди, для которых Анна – очередной мусор, балласт, за который заплатили и который надо довести до невменяемого состояния. И если Сайгакова раньше по моему заявлению никуда не перевели, считая мои слова о его халатности и служебных ляпах преувеличенными, то после, примерно месяц назад, перевели как миленького. Потому что сразу после того как увидел Анну в больнице, первым делом пришел и набил морду этому недополицейскому, от души набил, аж легче стало – правда, совсем немного.

У меня получилось, после очень больших стараний и некоторых дерганий за веревочки получилось дать огласку делу и об Анне, и об “Воронке”, только толку пока от этого особо и не замечаю: “Воронка” исчезла из нашего города, будто никогда ее и не было. В здании пусто, лишь на первом этаже расположился новый небольшой фитнес-центр. По документам – абсолютно тухло, там и не “Воронка” вовсе, а “Центр альтернативной медицины и исцеляющей медитации”, и она не ликвидирована, организаторы использовали возможность добровольной приостановки деятельности. Отчеты, приказы, реквизиты организации, бланки, печати – ничего за эти два месяца не обнаружено, и такое чувство, что так и положено, на все вопросы от начальства я получаю ответ: “Зачем тебе это надо? Не суйся, целее будешь”. Я б, может, и не совался, если б не видел, во что превратили Анну...

И если Сайгаков ответил за свою халатность только битой мордой, я сделаю все, чтобы Анна вновь смогла жить и доверять этому миру. Только сначала надо очистить этот мир от хотя бы одной мерзости – “Воронки”.

Надеваю чистую белую футболку поверх джинсов, куртку, шутливо отвешиваю подзатыльник Левушке, который за последний месяц показал себя с лучшей стороны и с которым мы, надо сказать, даже почти сдружились:

– Лейтенант Крюков, прошу не забывать, что в обязанности капитана полиции входит и обеспечение соблюдения прав и свобод граждан, и выявление и пресечение противоправных действий, и если для этого мне надо ходить через день в больницу, то я это буду делать.

Только наш балабол решает, что ему можно все и со своей фирменной шикарной улыбкой выдает:

– Там это, сегодня 8 марта, ты обеспечь своей подопечной соблюдение права как женщины, цветы, что ли, купи.

Заслуженно отвешиваю Левушке еще один шутливый подзатыльник и покидаю наш участок.

Двадцать минут, и моя тачка тормозит возле больницы. В руках у меня дежурный пакет с кефиром, апельсинами и маленькой плиткой горького шоколада – исключительно для поднятия настроения и с разрешения главврача. Слова Левушки набатом звенят в ушах, да и в руках ощущается пустота. Эх, была не была, благо цветочный бутик красуется издалека и идти недолго: беру сиреневого цвета букет тюльпанов для Инги Сергеевны – главврача и нежно-розовый для Анны.

Обычная городская больница встречает привычным для данного вида локации запахом лекарств и антисептика. Сначала навещаю Ингу Сергеевну, радуюсь хорошим новостям об Анне:

– Сейчас проверяем состояние внутренних органов, кровеносной системы, все же лекарства нашей девочке кололи сильные. А потом еще и антибиотики, но без них уже было никак...

Даже если б Инга Сергеевна не напоминала, знаю: в той клинике над Анной поиздевались знатно, если б не взял тогда за грудки Сайгакова, если б не искал Анну как одержимый, неизвестно, была б она сейчас жива или нет. Каждый раз как вспоминаю об этом, в груди закипает ярость, которую надо утихомирить – на пока.

– Но есть и хорошая новость. Сейчас Анечке назначаем всего одно лекарство, оно не сильное, не вызывает привыкания, поможет справиться с тревожно-депрессивным расстройством.

– А оно есть? У нее это, как вы сказали, расстройство?

Инга Сергеевна терпеливая женщина, но сейчас смотрит на меня как на идиота. Понимаю, что сморозил глупость, конечно, Анне тяжело, конечно, после всего, что было, ей надо помочь, в том числе медикаментозно. И только я хожу к ней стабильно через день, пусть и осторожно, пусть и с разрешения врача, стараясь тщательно выбирать слова, но ковыряюсь в ее ранах, которые, конечно же, еще не зажили.

Глава 15.

Анна

Я не боюсь и не зажимаю глаза, когда дверь палаты с тихим характерным звуком открывает свои створки, чтобы кто-то вошел в мою жизнь. Потому что перед этим следует стук: тук-тук. А потом слова:

– Анна, разрешите...

Шаги персонала я выучила, их тоже уже не боюсь. Все, что есть в этой палате, кто входит сюда – это и есть моё настоящее. Все, что у меня есть – мое настоящее. Потому что прошлое как будто отгородилось от меня. Оно за туманом, а туман зябкий, плотный, обманчивый.

Я стараюсь всмотреться сквозь него – очень трудно.

Я иду к этому туману сквозь страницы своего детства, юности. Они не в тумане, их я помню чётко.

Вот забавная девочка с кудрями играет с другой девочкой, с прямыми волосами. С кудрями – это я. А прямые волосы у Зарины. Мама нас зовет пить чай с конфетами. А потом мы с подружкой идем кататься на самокате. Мой – новый, розовый, блестящий. Её – уже чуть потрепанный.

Мы мчимся.

Мы летим.

Отдыхаем возле магазина, старательно облизывая чупа-чупсы, которые купили на мелочь, что валялась в карманах. Не совсем мелочь, конечно – для нас это было сокровище.

– Ань, – говорит девочка Зарина, – дай покататься на твоём самокате, а я тебе свой дам?

Смотрю на её липкие руки, и понимаю, что не хочу меняться. Не знаю, что за приступ жадности на меня нападает, но я хочу сама мчаться на розовом самокате и чувствовать себя принцессой всей Вселенной.

– Не хочу, Зарин, давай каждый на своем, хорошо? Поменяемся завтра!

Но Зарина не хочет завтра. Ее милое лицо становится каким-то злым и она бросает:

– Ну и катайся сама, уродина несчастная! – тычет на мою шею с родинкой и мчится вперед. Без меня.

А я не догоняю ее.

Я остаюсь возле магазина.

Наказана за жадность?

Не знаю. Но точно знаю, что маленькая я об этом не думала. Из памяти напрочь исчезает информация, как я доехала до дома, помню, что потом долго плакала.

Сквозь лабиринты памяти бреду дальше. Уже почти взрослая Аня. Последний звонок. Вечеринка у подруги. Первые поцелуи под луной. И везде – шея закрыта либо воротником, либо платком. У меня, оказывается, неплохая фантазия во всем, что касается дизайна одежды. И теперь колкие замечания о родинке прилетают только от сестры, но это я как-то переживу, не страшно.

Слава. Воспоминания о Славе заставляют судорожно вздохнуть.

Я не знала, что так можно любить: сгорая, отдавая всю себя, не представляя жизни без него. Такой любимый, такой родной. От того его слова ранят так больно. Даже когда уже вместе год, два, три – больно. Потому что у меня – страшная родинка. А у него – красивая новая женщина без изъяна. И Слава уходит. И я люблюсь на свои фиалки и бальзамины, которые тоже прекрасны, которые тоже без изъяна. А к зеркалу... подойти страшно.

Есть в воспоминаниях и хорошее, теплое, нежное, но оно как будто далеко, фоном, а вот эти вот болезненные моменты не отпускают от себя, держат крепче магнита.

А потом в моих воспоминаниях всплывает Степка, и мне хорошо-хорошо. Он будто меня ведет туда, где вечный рай. И Степке все равно на мою родинку. И мне хорошо...

А потом обрыв.

Туман. Зябкий. Ни пройти, ни перешагнуть. Сколько километров протяженности этого тумана – не знаю, кажется, много. А на сколько минут, дней, месяцев, лет он простирается? Тоже не знаю. Но вот этот полицейский, что входит со своим негромким «тук-туком» говорит, что не менее двух месяцев.

Зря он приходит. Мне неудобно, неуютно, я понимаю, что ничем не могу помочь. А он хочет знать. Он не требует, но ждет, что я шагну в этот туман длиною в два месяца и расскажу ему все-все, что там увижу.

А я не могу.

Не хочу.

Моя память словно дверь в мою палату – белая-белая, без ничего, пустая в своей ослепляющей белизне. А он хочет, чтобы я туда плеснула серым, черным, рисовала каракули от руки – зачем так уродовать мою память-дверь? Если б там все было красиво, разве я б забыла это красивое?

Глава 16.

Когда я успела стать такой обманщицей? А может, всегда ею была, просто не помню, я же много чего не помню?

Нет, врать я точно не люблю. И врачам не вру, медсестер не обманываю, все противные лекарства принимаю, не мухлюю. Это только этого, капитана Гордеева чуть-чуть обманываю.

Ну не то, чтобы обманываю. Скрываю некоторые вещи. Например, что проснулась. А он что-то говорит, что-то спрашивает. И вопросы... очень уж тревожно отзываются они в сердце. Поэтому я “сплю”. Как только дверь в палату за ним закрывается, Аня “просыпается”.

Спалась один раз. Как стыдно, стыдно, стыдно было перед ним!..

Не ругался, нет. Даже не упрекал. За руку взял, точнее, за ладошку и сказал, что понимает мой страх. Он держал мою ладонь, и я понимала, что действительно боялась, не хотела ничего вспоминать, меня толкали в тот туман, мое прошлое, а я не хотела, не хотела, не хотела туда!!!

Поэтому спала. Много. Беспокойно.

Даже когда просыпалась, делала вид, что сплю.

После малейших попыток врачей вывести на разговор говорила, что голова болит. И психолога также не подпустила. Не надо, не надо копаться в моей душе.

Сама.

Как-нибудь.

Потом.

Я не вралась насчёт головы! Она действительно начинала болеть, и я хотела этого, хотела эту боль. Пусть лучше так, пусть лучше голова. Но не в туман, нет...

Всё же мой стыд сыграл в пользу этого капитана. Когда в следующий раз медсестра спросила, хочу ли я разговаривать с капитаном Гордеевым, я утвердительно кивнула головой. Пришлось кивнуть.

А может, его ладонь была очень уж большой и надежной – поэтому кивнула? Не знаю.

И мы начали говорить. Недолго. Пять минут. Десять минут. Больше он не настаивал, и я не хотела.

А ещё он извинился за своего коллегу. Сказал, что этот Сайгаков крепко получил от него за халатность.

– Какую халатность?

– Ты же помнишь, что приходила писать заявление, а он не принял?

Не-ет. Или да, но очень смутно.

Я помнила дикий страх и боль. А еще безвыходность. Я бежала. Пряталась. Я не хотела... Чего не хотела? Чего-то страшного. Очень страшного. Даже сейчас сердце начинает колотиться, умоляя, чтобы его выпустили из клетки, что образовали мои ребра. Гордеев убирает ладонь с моей ладони, отчего становится еще страшнее. Только на секунду. Он садится на мою постель и прижимает к себе. Так долго, пока сердце вновь не становится послушным мотором кровеносной системы.

– Ты что-то вспомнила, да, Анна?

Я бы вырвалась и сказала бы, чтобы он уходил, чтобы не мучил меня, но мы оба понимаем, что он здесь и ради меня тоже. Поэтому играю по его правилам:

– Пока ничего конкретного. Но я вам расскажу, если будет что-то понятное. Пока только страх, бег, боль, все на уровне ощущений.

– Все будет. Постепенно все будет. Нельзя все сразу. А постепенно – можно.

Ну да, капитан Гордеев не мастер красноречия. Но мне так больше нравится. Он в душу не лезет.

Мне нравится вот так сидеть, когда он плотно прижимает меня к себе. Честно, даже если бы захотела, не могла бы сдвинуться с места. Даже не так, если ПЛОХИЕ ОНИ захотят меня вырвать отсюда, пока вот так держит Гордеев – ничего у них не получится.

А еще у меня на подоконнике остался букет нежно-розовых тюльпанов. Ах да, Восьмое марта же. Международный женский день. А я женщина. Даже после предательства Славы осталась женщиной. И еще после какого-то кошмара – тоже осталась женщиной.

У нас с Гордеевым выработалась своя привычка, какой-то невероятно естественный, ладный, успокаивающий алгоритм встреч.

Сначала “Тук-тук”. Негромкий, но и не тихий.

Потом тюльпаны, или ромашки, или герберы. Но тюльпаны – самые любимые. Гордеев сам наливает воду в вазу, ставит ее на мой столик.

Далее вопрос:

– Поговорим?

Мы не говорим о моем лечении, самочувствии. Мы говорим о ПЛОХИХ, о том, что прячется в моей памяти. Не потому, что он чурбан бесчувственный, нет. Просто до того как зайти ко мне, он всегда навещается к Инге Сергеевне и она рассказывает капитану Гордееву больше чем, наверное, мне самой.

– Иди сюда. – Далее Гордеев садится на мою кровать и приглашает сесть рядом, сесть ближе.

Иногда просто держит ладони, иногда это даже почти объятия.

Он никогда не ругается, никогда не торопит. Я вообще начала думать, как же он такой мягкий и добродушный может работать в полиции? Ровно до момента, когда стала свидетелем его телефонного разговора.

Он не кричал, не ругался, он даже не матерился, хотя я видела, что какая-то новость выбила его из колеи. Но в его интонациях было столько угроз – не пустых, что даже я поверила им. Тогда и стало совершенно понятно: мягкость – это не про капитана Гордеева, если на его пути встанут отморозки, он одной рукой поставит их на колени и заставить молиться тому богу, которому эти отморозки верят.

После того звонка страшно мне не стало, стало надежнее.

Если я ничего не вспомнила за те дни, что его не было, он начинал сам говорить. Удивительно, но очень часто именно в такие моменты забытые фрагменты всплывали и дружно выстраивались в логичную мозаику.

И когда меня уже готовились выписать через какие-то пять-шесть дней, Гордеев предложил:

– Анна, поздравляю тебя с выздоровлением, эти пять дней – просто контроль, без таблеток, без капельниц, без уколов. Ты все преодолела, и даже очень-очень помогла мне.

– Вы нашли этих воров и убийц? – спрашиваю я, боясь услышать “нет”.

Но чудо не случается. Гордеев говорит другие слова:

– Аня, ты смелая девушка, умная, прозорливая. Предлагаю после твоей выписки не терять друг друга, а вместе идти по следам твоих мучителей. С моей стороны, да и со стороны государства – будет всевозможная защита и поддержка.

– Я? Вы предлагаете мне вместе расследовать это дело? – Я не знаю, радоваться или сердиться, я в каком-то шоковом состоянии.

– Не двадцать четыре на семь разумеется, не будем забывать о состоянии твоего организма. И не тебе, а Вике.

– Какой Вике?

Глава 17.

– Можно к тебе, моя хорошая?

Мне нравится голос Инги Сергеевны. Понимаю, работы у нее много, проблем пруд пруди, но иногда она заглядывала в мою палату. Наверное, жалела. Ко мне же кроме Гордеева никто не приходил, а за дверьми сидел охранник. Если б были родные и близкие, пустили бы, я думаю, но их не было. Слава из этого списка вычеркнулся сам, с Лилей я разорвала связи, опоенная философией “Воронки”.

Когда думаю об этом, чувствую себя тусклой звездочкой, что затерялась в бескрайних космических просторах. И бесконечно приятно, что ко мне, такой маленькой, мерцающей в пол силы тянет лучи яркая теплая звезда – Инга Сергеевна. А ещё нравится, как она ко мне обращается, словно мама: “моя хорошая”. И голос – бесконечно мягкий, и руки у неё мягкие, взгляд тёплый.

– Как настроение? Как завтрак? Поела?

Настроение у меня хорошее, несмотря на то, что память потихоньку возвращает все забытые фрагменты последних трех месяцев на место. Возвращает так, что выть иногда хочется. И я вою, ночью, под одеялом.

...Сначала вспомнила, как я в первый раз попала в полицию.

Потом – вспомнила, почему я решила туда пойти.

Лишь затем память подбросила фрагменты, которые огнем выжгли из меня веру в человечество, в общество, кажется, навсегда.

Вспоминалось неравномерно, урывками: один ярко-болезненный эпизод, вторая такая же болезненная вспышка. Потом дыхательная гимнастика, которую посоветовала больничная психолог, и боль замирает, а потом утихает.

Первые воспоминания – цветы, яркие пышно цветущие герани, бальзамины, фиалки. Они будто хотят вытащить из какого-то тепло-тухлого, серого болота, которое засасывает, засасывает... Я иду на их зов, но оказываюсь не в своей квартире, не с ними, а в квартире у соседки, бабы Симы. И вот там, в ее квартире, после ее слов я понимаю, что осталась БЕЗ НИЧЕГО. У меня была своя гавань, где я могла переждать и печали-беды, и радости. А вместо этого – я посмотрела тогда на свои руки – вместо этого у меня остались несчастные клочки бумаги, яркие книжки с рекламой о вечном счастье в мире высоких вибраций.

Баба Сима рассказала, что моя квартира уже выставлена на продажу, и многие вещи выброшены за ненадобностью, как хлам, мусор, бессмыслица. Фиалки завяли. Как же это было символично, как это было метафорично с тем, что я сделала своей жизнью за последние несколько месяцев. И особенно запомнилось ощущение: за окном дул порывистый ветер, и точно так же, тяжелыми рывками пульсировала кровь под моей кожей – пульсировала от отчаяния, от ярости, от бызыходности.

– Анют, милая, ты позавтракала? – повторяет свой вопрос Инга Сергеевна. Только смысл доходит не сразу. Потом взгляд находит больничную посуду на столе, наполовину выпитый чай в стакане, яичную скорлупу на тарелке, недоеденные ломтики колбасы и оливки, которые я так и не научилась любить. Киваю главврачу:

– Аха, поела, спасибо, было вкусно.

– Я тебе нужна? Хочешь, рядом посижу?

Если Инга Сергеевна спрашивает, значит, у нее есть время. А мне иногда так надо, чтобы рядом был кто-то, хоть кто-то, пока я брожу по закоулкам своей памяти.

... – Стёпка, какие же мы с тобой дураки, Стёпка, нам надо уходить отсюда. Я виделась с бабой Симой, мою квартиру присвоили мошенники, они все – мошенники, опасные, злобные,

умеющие проникать в доверие, понимаешь, Стёп? Ещё есть шанс вернуть квартиру, надо обратиться в полицию, Стёп...

Какая наивная простота! Надо было держать свои выводы при себе! Почему я думала, что Степан – такая же жертва их манипуляций, как я? Сама себя выдала с потрохами, пытаюсь спасти и себя, и одноклассника.

– Давай без глупостей, Нюся. Ты же не думаешь, что здесь таких шустрых и умных до тебя не было? Знаешь, где они сейчас? Никто не знает, а кто знает – не скажет. Возможно, кто-то в канаве валяется, червей кормит; те, кто покрасивее, такие, как ты уже поизносились в борделях, куда менты никогда в жизни не сунутся – думаю, логика понятна, да?

– А ты... откуда ты знаешь? А как же слова Учителя о высоких вибрациях? Ведь это грех, Стёп, человеческая жизнь – высшая ценность...

Степан хватает в охапку и приближает меня к себе. Наши лица совсем рядом, наши глаза почти стреляют в друг друга. Почему я тогда не увидела в них пустоту? И слова, что он про-изнес потом, заставили вздрогнуть:

– Нюся, ну какая ценность? Твоя жизнь ценна для тебя – и только. Моя жизнь ценна для меня – и только. Это даже не теорема, это аксиома, это не требует доказательств, Нюся. Когда ценили жизни людей? При рабовладельческом строе? В Средневековой Европе, когда неугодных женщин называли ведьмами и сжигали на костре? Да, сейчас все прикрыто ширмой гуманизма. Но если ты заглянешь туда, увидишь – ничего не изменилось, ни-че-го.

Я тогда дрожала и понимала, что Степан говорит страшные вещи. Почему мне и в голову не приходило спросить у него: если здесь, в “Воронке” так все страшно, почему он затащил меня сюда? Я все еще продолжала думать, что мой друг детства – не такой, это ОНИ ПЛОХИЕ, а Степан, да и я заблудились, нам просто надо найти выход. А Степан принял мое молчание за согласие, за принятие, даже похвалил:

– Вот видишь, какая ты понятливая! Ты и в школе была такой же понятливой, послушной, хорошей. Нам теперь никуда не деться. А послушание и смирение – главные добродетели в глазах Учителя. Не подводи меня, Нюся, хорошо?

Отшатываюсь, когда Степан поощрительно треплет меня по щеке. Совсем на него не похоже. От прикосновений – мороз по коже.

– Я думаю, тебе пока не стоит выходить на улицу. Листовки и книжки раздадут без тебя. Я поговорю с Учителем.

Степан уходит, оставляя после себя мрачный холод. Тонкое одеяльце не согревает. Мысли так и не удаётся привести в порядок. Началась первая из кошмарных ночей в “Воронке”...

– Анечка, ты вся дрожишь...

Это не Степан. Как же хорошо, что это не Степан. Это Инга Сергеевна обнимает, отдавая свое тепло.

– Я принесу горячий чай, смородиновое варенье и баранки. Я мигом, моя хорошая...

Дрожь постепенно уходит, разбавляясь теплом чая и поддержки. Сегодня – в который раз! – воспоминаниям не удалось выбить меня из колеи, а значит, я становлюсь сильнее.

Глава 18

– На улице дождь со снегом в перемешку, тучи заслонили все небо. Только вы можете так улыбаться в такой день, капитан Гордеев, – замечает Левушка, отряхивая свою куртку. – Ужас, а не погода. Есть горячий чай?

– Наглеешь, Левушка? Минутку, сделаю.

– А хотите угадаю, почему вы лыбитесь?

Леву я как хорошего человека для себя открыл недавно. Но не знал, конечно, что у него настолько размыты представления о личных границах. Дать бы ему щелбана хорошего за вот это «лыбитесь». Ладно, накажу рублем. Хитро предлагаю:

– Добро, угадай, чего я лыблюсь, – произношу с нажимом на последнее слово, надеясь, что сам догадается, что переборщил с панибратством. – С одного раза. Не угадаешь – в обед, чтобы передо мной лежала «Охотничья» из пиццерии напротив. Угадаешь – пиццу беру я. Ты же по «Пепперони» у нас?

– Легко! Сегодня опять идете в больницу к своей Анечке, да? И цветы, небось на прошлой неделе купили на восьмое марта, правда? И да, мне, пожалуйста, «Пепперони», – самодовольно заявляет лейтенант Крюков.

Ох, разозлиться бы на Левушку, да не получается.

– Цветы купил, конечно, а вот ты за пиццей побежишь. Смотри, вот она – настоящая причина. Показываю то, что больше никому не покажу. Протягиваю Лева паспорт – новый. Анечкин. Точнее, уже Викин. Здесь другое все – не только имя, фамилия и отчество, но и дата рождения, место регистрации.

Лицо лейтенанта Крюкова вмиг становится серьезным. Отдает честь:

– Благодарю за оказанное доверие, капитан Гордеев. Информация останется между нами. А за пиццей, разумеется, сгоняю.

– Я верю тебе и в тебя, лейтенант Крюков. Скажи Левушка, а ты ж из города С.? Какмотришь на то, чтобы поработать там, скажем, ближайшие несколько месяцев?

Лейтенант недоумевающе смотрит на меня. А я думаю о том, не слишком ли нагло прозвучала моя просьба. Наконец, Крюков выдает:

– Скажите честно, вы в сговоре с моими родителями?

– Не, я из своих корыстных побуждений. А что с родителями? Подыскали, наконец, достойную невесту и просят тебя прибыть на смотрины?

– Тьфу-тьфу, пока мамина энергия направлена в другое русло. У них же частный дом в пригороде. Зовут крышу перекрыть. А куда мне с таким графиком? Сто раз предлагал оплатить услугу проверенной компании. Но, вы не знаете мою маму, Илья Марсельевич... Там такая хватка...

Ну Слава Богу, Лева я доверяю почти как себе просто потому, что как себе – нельзя доверять никому, мало того – даже себе не всегда стоит доверять. Все, что касается Анечки, точнее, пора привыкать называть ее Викой, – требует особой осторожности, и я собираюсь взять это дело под свой контроль.

– Илья Марсельевич, а что, эта Аня классная оказалась, да? Вы прямо переменились?

Этот малой точно заслуживает люлей, абсолютная беспардонность, что я говорил о личных границах? Нет в картина мира Левушки такого понятия. А Анечка ...тьфу, Вика, да, нежная, податливая, но в то же время сильная. Одно то, что она хочет не только сбежать от всего, что было, а хочет добиться наказания преступников многого стоит. Я сам отвезу ее в С. и побуду неделю, пока она не адаптируется, а потом, как говорится, «будем посмотреть». Да

и развалится дело без контроля. Начальство дало делу о «Воронке» ход только из-за моей настойчивости, но даже не намеком, а прямо было сказано: «не надо усердствовать».

В последние дни мы сравнительно много говорили с Ан... с Викой о том, что с ней случилось. И это большое, нет, просто огромное везение, что сейчас с ней все в порядке – как в физическом, так и ментальном порядке. У меня есть небольшой опыт ведения подобных дел, правда, то было в молодости и я всего лишь помогал настоящему следоку. На что способны эти твари, чтобы жить, паразитируя, обогащаясь за чужой счет – я примерно представляю. Это очень, очень грязные методы без малейшего намека на честь и совесть.

«Воронка» будто бы исчезла из нашего города, но ее последователи-прихвостни, уверена, в засаде и следят за начатым делом. Страх за Анюту-Вику смешивается с пониманием необходимости вывести на чистую воду всю банду. Завтра мою смелую девочку выписывают, а послезавтра я предложил ей вместе, и не только вместе, но и с Муратом полазить по зданию, где совсем недавно жила, точнее пропадала Аня.

– Не боишься? – уточнил я у нее.

– Очень, – Вика отвечает честно. – Но я буду очень надеяться на Мурата, – с нервным смешком добавляет она.

– Мурат – старая ищейка и верный друг, навыков эта собака не растеряла. Я уверен, – успокаиваю ее.

– Я верю, – тихо добавляет Вика. – Если вы не засадите их за решетку, мне будет страшно всю оставшуюся жизнь, а не только завтра.

Я тогда тихо сжал ладонь Вики. Такая маленькая, такая доверчивая и смелая. Почему-то на мгновение показалось, что защитить ее – это и есть смысл моей жизни.

Глава 19.

Вика (ранее Аня)

Иногда все, что нужно – это крепкие ладони, в которых ты уверена. Когда твердо знаешь – что бы ни случилось в следующую секунду, эти ладони не выпустят твою руку. Я не слишком смелый человек, хотя Гордеев и считает по-другому, поэтому держусь за его руку. Иногда приходит понимание, что сжимаю до боли, надо чуточку расслабиться. Но... это ненадолго.

– И я, и Мурат всегда на страже – расслабься, – улыбается капитан Гордеев. Меня же пробивает нервная дрожь. Даже искусственную улыбку не могу изобразить.

– Да, это здесь. Здесь была “Воронка”, – шепчу я, когда кованые ворота открываются, и мы заходим в спрятанное во дворах здание – не совсем приметное, не совсем чистое и точно совсем не уютное.

Первый этаж особых эмоций не вызывает. Здесь я только знакомилась с администрацией, здесь был зал для медитаций, какие-то кабинеты, куда я даже не входила. Здесь все было степенно, с умеренной роскошью и даже какой-то философией. “Вот здесь стоял стеклянный стенд с брошюрами и книжками”, – указываю на пространство между двумя большими окнами. Окна, как и во всем здании – с коваными решетками. Илья Гордеев, Мурат и я неторопливо передвигаемся по коридору. Они дают мне время собраться силами и подняться на второй этаж. Они знают – там другие воспоминания, там – тяжелее, больнее. Я тоже это знаю.

Терпение капитана полиции безгранично. Невероятный контраст с прошлым опытом, когда этот... Сайгаков практически сдал меня моим мучителям. Нервный, болезненный опыт, когда мне даже собраться с мыслями не давали, когда я даже не поняла, как быстро очутилась в одном авто с теми, на кого хотела написать заявление...

Что пора на второй этаж первым сообщает Мурат. Его громкий лай эхом раздается по зданию. Лает и вопросительно смотрит на нас, а затем ведет к лестнице. Мурат даже забавен. Это немного расслабляет. Правда, совсем немного. На ватных ногах поднимаюсь по лестнице. Самые страшные события происходили здесь.

Еще страшнее оттого, что второй этаж остался почти прежним. На первом – небольшой фитнес-зал только для женщин, на первом вместе хотя бы с такими изменениями чувствуется дыхание жизни.

Второй этаж – практически не изменился. Исчезли документы, некоторая техника, пара диванчиков, что стояли в коридоре. Но все остальное отчетливо напоминало мне мое недавнее прошлое, мои безрассудные поступки. Из-за них я чуть не умерла. Они же и спасли мне жизнь.

... Я ведь до последнего верила Степану. Делилась с мыслями о том, как можно навсегда отречься от “Воронки”. Он делал вид, что слушает меня. Размышляла, что нужно этим мошенникам от нас. Наши ресурсы, возможно, мы как рабочая сила. Степан не соглашался, но и не отрицал. Тогда мне казалось, что мои слова заставляют его задумываться, а оказалось – хотел проверить, как далеко я могу зайти.

С каждым разом мысли становились более дерзкими, более смелыми и, выйдя за ворота якобы для раздачи книг, я попыталась сбежать. Только Степан знал о моем плане. А ему я доверяла. Радовалась, что все прошло так успешно, так легко. Свобода пьянила. От избытка адреналина подкашивались ноги. Я поеду к Лиле! Я виновата перед ней – прекратила всякое общение. Все объясню! Она всегда понимала. И сейчас поймёт. Я не думала о другом варианте развития событий. Это было слишком опасно, слишком страшно. Только надежда давала силы двигаться вперёд.

В квартире Лили горел свет. Нас разделяло три этажа. Невозможно передать словами, с каким восторгом билось моё сердце. Будущее было еще очень туманно, слишком многого из

прошлого я была лишена – документов, квартиры. Но мир был открыт! Он не запирает меня в тесной комнатке, выпуская только для промывания мозгов и медитации. В конце концов, восстановление документов должно занять не так уж много времени. Я была уже одной ногой в будущем, когда меня почти нежно схватили двое мужчин в капюшоне. Один, более тощий, почти нежно прошептал:

– Какая шустрая девочка. Но глупая. Тесно стало в своей комнате? Улизнуть решила? А может, и сдать всех нас захотела?

Отчетливо помню ощущение, как во рту появился железный привкус страха. Надо было не к Лиле бежать, а в полицию – я ругала себя на чем свет стоит. Надежда остаться живой таяла – ничего хорошего голос этого головореза не предвещал.

Была уверена, что меня убьют, что мы едем в ближайший лесопарк. Тщательно прислушивалась к разговору этих двоих.

– А что не в утиль-то? Нет человека – нет проблем?

– Нельзя. Работа с документами по ее квартире только-только заканчивается. Мусора найдут труп – сразу свяжут дело с квартирой. Сейчас на черных риэлторов охота будь здоров ведётся.

– Так у Учителя ж везде свои люди?

– Везде. Но перестраховка – залог нашего общего процветания. Да и дай ты девчонке пожить, может, ей ещё и развлечься хочется. А может, и нас развлечет. Да, красивая?

Тошнит от этих воспоминаний. Зато я точно поняла, что хочу жить, очень хочу. Не развлекать кого-то, не плакать о муже, который ушел к другой женщине, не страдать о потерянном проекте, не прятаться за фальшивыми учениями о высоких и низких вибрациях, а жить так, чтобы это доставляло мне радость, чтобы рядом бегали дети, а потом и внуки. Как жаль, что жажда жизни охватило тогда, когда меня везут туда, откуда и так было сложно выбраться, а теперь я буду под особым наблюдением.

Глава 20.

Я никогда не говорила об этих воспоминаниях вслух, да и вот так ярко, целостно они и не вставали перед глазами. Даже во время многочисленных беседах с психологом старалась ограничиваться общими фразами: “они надавили”, “они угрожали расправой”, “я очень испугалась”. За каждой такой фразой скрывалась большее, намного большее.

...Она надавили...

Эту фразу сказать легко. Что такое “надавили”? Повысили голос? Что-то потребовали?

Нет, охранники и Учитель давили иначе. Прямо передо мной листали телефон с фотографиями бабы Симы, Лилии, сестры, даже Славы. На каждого – собрана информация, ФИО, место проживания, работы. Хочу ли я, чтобы с ними случилось какое-либо несчастье? Вот о чём спрашивали меня в “Воронке”. Стоят ли их жизни и благополучие того, чтобы убежать из “Воронки”, погружаться в эти проклятые низкие вибрации? Вот на эти вопросы они требовали ответы, предоставляя выбор без выбора.

...Они угрожали расправой...

Сложно, но я смогла произнести эту фразу, хотя жуткий кошмар, котоый она скрывала остался со мной. Я не смогла рассказать, как это было жутко. Они показывали фотографию и даже отрывок видео. Там была девушка. Такая же как я. Сначала попала в лапы к этим мошенникам и душегубам, а потом попыталась сбежать. А дальше... А когда вспоминаешь это дальше появляется ком в горле. Он не дает произнести ни слова, не дает пролиться слезам, он давит, душит. А перед глазами стоит фото девушки с разITYми губами, синяками в пол-лица. Ужас распирает, когда показывают видео с ней же, где лицо уже чисто, где она в крошечной комнате, где все пространство занимает двуспальная кровать. На ней дешёвый пеньюар, который едва ли что-то прикрывает, и огромный толстый мужик, старше ее в два раза самодовольно тянет лапы.

...Я очень испугалась...

Мягко, очень мягко сказано. Я ощущала себя уже уничтоженной, уже убитой. Мое будущее – это настоящее той девушки? Нет, не хочу, это не будущее, это кошмар, из которого хочется вынырнуть. Это страх, когда на голове шевелятся волосы, когда боишься тишины, но и каждый звук отзывается дрожью в теле. Когда замираешь, потому что бежать – некуда, а нападать – бессмысленно.

Вот что я вспоминала, бродя по второму этажу. Не только вспоминала. Сегодня я, наконец, нашла силы проговорить это вслух. Без протокола. Без слез. Только Гордееву. Впервые он обнял меня, дав прижаться к своей груди. Я не плакала, но мне стало спокойнее. Спокойнее, чем за все эти месяцы. Его рубашка, его тело пахло мужественностью, легкий шлейф древесных ароматов в сочетании с бергамотом будто бы согревали, обещали опору и устойчивость. И дело было не только в парфюме. То ли в том, как он особенно обнимал, прикрывая большими ладонями мою спину, то ли в спокойном дыхании, ритм которого и меня постепенно успокаивал. То ли в молчании, что было знаком: Илья Марселевич не собирался давить, расспрашивать, он просто был готов взять от меня то, что я готова дать и использовать это для моей защиты. Как-то так я всё это воспринимала.

И только потом, когда мы ели сосиски в тесте и пили чай в забегаловке напротив, капитан Гордеев заметил:

– А ведь за сегодня ты сделала не так уж мало, Вика. Представь, мы сейчас по твоим словам можем составить фоторобот той девушки. Также мы знаем, что эти уроды хранили инфомацию на цифровых носителях. Я отвезу тебя к себе, а сам ещё приеду снова и обыщу каждый шкафчик, каждый уголок.

Мне не хотелось расставаться с Гордеевым. Кажется, если он уйдет, и иллюзия защищенности в который раз рассыпется на куски, развеется на ветру.

– Можно я с тобой? Ведь так будет быстрее?

Капитан Гордеев редко улыбался. Но такой тёплой улыбки я не видела ни у кого в жизни. Я не могла объяснить свои чувства, но мне хотелось быть рядом с ним, он как будто давал мне какое-то тепло, о существовании которого я раньше даже не подозревала, а оказывается оно нужно мне, нужно не меньше воздуха.

Глава 21.

Гордеев

Иногда события нашей жизни причиняют такую боль, что чтобы от нее спастись, мы начинаем прятать эту боль и делать вид, что её нет. Сложность в том, что пока делаем вид, что её нет, именно она и управляет нами. А чтобы её увидеть, искренне признать, что она есть требуются огромные душевные силы, и не у каждого они могут найтись. По себе знаю, как это сложно, сам прячусь от некоторых эпизодов своей жизни... Боюсь не выдержать, сломаться, а уж мне-то опереться точно не на кого, кроме разве что Мурата.

А Вика смогла. То, что она приоткрыла завесу того, что творился за закрытыми дверями “Воронки” – дорогого стоит.

Такая хрупкая. Такая сильная. Закаленное стекло.

А когда рассказала, не спряталась, не убежала, а зарылась в мои объятия. Не знаю, когда успел их распахнуть перед ней, но было волнительно. Не проронила ни одной слезинки, просто прижалась, спрятала лицо и не уходила, пока дыхание полностью не восстановилось. Жаль, что мартовские праздники уже прошли, я бы купил тюльпаны – огромный букет как знак надежды, как обещание, что все будет хорошо. Прав Лёвушка, Вике очень хочется дарить цветы. А без повода – неудобно. Поэтому мы тупо идем в соседнюю забегаловку и покупаю себе и ей сосиски в тесте.

Вика улыбается, мы даже о чём-то говорим. Не только о милых глупостях, но и о том, как много важного Вика вспомнила и смогла озвучить, что это все можно в итоге приобщить к делу. Вика половину сосиски отдает Мурату и я укоризненно говорю, что впервые эта мудрая полицейская собака продалась за пол сосиски: теперь она сидела не возле моих ног, а около Вики. Вика снова улыбается, гладит Мурата. У этих двоих любовь.

– Мурат, ты слишком стар для Вики, – улыбаюсь я.

А она отвечает словами классика:

– Любви все возрасты покорны.

Нам троим хорошо. Так хорошо, что Вика отказывается ехать обратно ко мне домой и ждать там моего возвращения. Она находит в себе силы ещё раз зайти в это проклятое здание и помочь мне с обыском. Сначала Вика не верила, что что-то сможем найти, ведь дело о “Воронке” уже открыто, значит, обыск уже был осуществлён.

– Мне очень жаль такое говорить, Вика, но если бы за дело хотели взяться всерьёз, уже бы взяли по твоему первому заявлению. Они обязаны были это сделать. Раз не сделали – был звонок сверху. Как ты понимаешь, с обыском случай практически идентичен. Он был сделан на от... прости, я хотел сказать, так себе прошёл этот обыск. Мне пришлось сделать кое-какие звонки, чтобы разрешили повторный. Не сомневаюсь, что связанные с “Воронкой” люди либо уже в курсе, либо скоро узнают о повторном обыске. Именно поэтому я настаиваю на твоём скорейшем отъезде в город С. Там и будем видеться.

– Да, я знаю, Илья Марсельевич. Я тебе доверяю, буду делать так, как ты скажешь.

Ох, знала бы Вика, как мне важно, что ты не то что мне доверяешь, что ты в принципе не разучилась доверять. И в то же время это огромная ответственность. Малейшая оплошность с моей стороны, и викино доверие к миру разрушится окончательно. Поэтому знаю: кто бы ни стоял у меня на пути, дело будет доведено до конца. Либо “Воронка” погибнет окончательно, либо я.

– Ты же знаешь, что обыск быстро и весело продвигается только в фильмах? – на всякий случай интересуюсь у нее.

– Нет, ни разу не участвовала, – легко признается Вика. – Но у меня больше все равно нет никаких занятий. А с тобой... – Вика слегка запинаясь, подбирает слова... – с тобой мне легко и хорошо, если, конечно, не мешаю.

И мне от её слов хорошо. Хорошо так, как если б мне было лет двадцать и моя девушка призналась, как ей нравятся свидания со мной. Вида, естественно, не показываю:

– Тогда нам предстоит часа четыре или пять адского труда – нудного, монотонного, но зато в перерыве с меня пицца и лимонад.

Я немного лукавлю. Я стараюсь, чтобы мой голос звучал небрежно и весело, но ещё я надеюсь, что викины воспоминания снова облачатся в слова. Что с ней произошло после того, как поймали при попытке бегства? Как она снова выбралась, дошла до полицейского участка? Кто потом пришёл за ней туда?

Эти воспоминания будут более болезненными, может, она вообще не захочет с ними делиться – её право. Я попытаюсь узнать мягко и без давления. Не думаю, но и не отрицаю того, что эта информация очень поможет раскрыть дело. Зато уверен: Вика сама не знает, насколько ей станет легче, если она выскажет и выстрадает все произошедшее. Я не один год провёл в горячих точках. Я знаю, что такое посттравматический синдром. Я знаю, что такое, когда ты жив внешне, но погибаешь изнутри.

Глава 22.

Вика

Ещё вчера я старалась храбриться и доказать себе, Гордееву, что ужас от «Воронки» уже позади, что мне не страшно. Ну если только чуть-чуть. Здоровый страх.

На самом деле, как только представляла, что мы туда поедem, дрожать начинали не только руки-ноги, но и живот, и, кажется, внутренние органы. А сегодня неожиданно оказалось, что мне не так уж страшно. Рядом – Гордеев, рядом – Мурат. Не страшно было до такой степени, что я отказалась одна сидеть дома и, несмотря на шанс поехать домой и включить какой-нибудь сериал, осталась делать тщательный досмотр места вместе с Ильей Марсельевичем, точнее, Ильей.

– Мы теперь коллеги, называй меня просто по имени, – подмигнул он, когда мы доели сосиски и снова вошли в здание.

В том, что обыск в фильме и обыск в реальности имеют поразительные отличия, я сегодня убедилась воочию. В кино это – открыл шкафчики, вывалил всё на пол, пошёл разобрал матрац, вытащил флешку из компьютера. В реальности же работа очень кропотливая, временами неблагодарная. И почти все время – требующая то ли определенного чутья, то ли у Ильи это навык работы, а не чуйка.

– Илья, а как ты догадался, что скрытая камера спрятана в горшках с бальзамином? – спрашиваю, например.

– Ты сама практически прямым текстом сказала, – слова капитана Гордеева удивляют. Но после них ответ на мой вопрос становится настолько очевидным, что остается только удивляться собственной глупости.

Это же получается, что за мной и Маргаритой они следили по камерам довольно давно. Ещё до первого побега я разнылась перед Степаном, что мои бальзамины и фиалки погибнут, что за ними никто не будет смотреть. А он, видимо, рассказал об этом Учителю и уже вдвоем они решили как это обратить в свою пользу. Буквально через неделю в моей комнатухе и комнатухе Маргариты, которой я обещала подарить бальзамин появились цветы.

– Вот ты ноешь, что в «Воронке» тебе доступ к свободе ограничивают. Ищешь пути выхода отсюда. Убежать хочешь. Я тебе по-хорошему говорю: забудь об этом. Это невозможно. И смотри, что по велению Учителя тебе принеси: два твоих шикарных цветка. Один, как ты и хотела, сестре Маргарите можешь отдать.

Какое там заподозрить неладное, я прыгала и скакала от радости. Правда, идея отсюда уйти тоже уже довольно прочно засела в голове.

...Бейджики, офисный мусор, огромное количество дисков и рекламных книжечек – такое добро мы с Гордеевым находили навалом. Но они в нашем деле были не особо интересны. А вот мелкий мусор в корзине шредера Илью заинтересовал.

– Это ведь теперь только мусор, притом мелкий мусор, – возражаю я.

– Степень секретности второй. Организаторы явно не думали, что в ближайшее время понадобится уничтожать документы с концами и особо не озаботились приобретением шредера хотя бы с 4, а лучше 5 уровнем секретности, что нам на руки. А с этим при определенной сноровке, думаю, можно будет разобраться. Будем надеяться, что какую-то зацепку даст.

Работа была нудная, долгая, монотонная, но ощущение безопасности рядом с Ильей манило, не отпускало. Он был внимателен к моим словам, не давил, но помогал облачать воспоминания в слова. Не все. Не всё. Самое страшное было заморожено, и я не хотела их вытаскивать наружу, да что там наружу, я и сама от них мастерски пряталась, делала вид, что их, этих

кошмарных воспоминаний-фрагментов нет. Когда так делаешь – не больно. Иначе – кажется, что не выжить.

– Ты совсем иначе ко мне относишься. Не так, как тот сержант или капитан, не знаю, кто он...

– Сайгаков?

– Да. Перед ним я чувствовала себя так, будто это я преступница, а не те, кто меня удерживал, давил и... ну и всякое там было.

Прикосновение к рукам, всего на мгновение капитан Гордеев сжал мои ладони, и неловкость и болезненность исчезли. Наоборот, захотелось выплеснуть хотя бы часть накопившейся боли наружу.

– Я так обрадовалась тогда. Дошла, добежала до полицейского участка. Значит, весь кошмар позади. Так мне казалось. Я крикнула «Помогите», хватаясь за стол, за которым он сидел. Пыталась объяснить ситуацию, выходило отрывочно, нервно, напряженно: «Меня держали насильно. Отобрали имущество, документы. Его кличка Учитель. Имя не знаю, но я знаю место и могу поехать с вами, все показать»...

Я не знала, что надо делать в таких случаях. Я думала, важно, как можно быстрее вызвать наряд, бежать, ехать, лететь туда, поймать с поличным. Но Сайгаков, неспеша оторвавшись от монитора, поднял на меня такие холодные, такие равнодушные глаза:

– То есть вы сейчас без документов, без каких-либо доказательств, явно со следами нервного расстройства, хотите, чтобы я вызвал наряд. Вы действительно считаете, что это так делается?

Надежда, такая яркая минуту назад, начала блекнуть с катастрофической скоростью. Почему он просто не вызывает группу? Почему он вышел из приемной в коридор и звонит по телефону? Беспокойство все сильнее стягивало живот в тугий узел.

Но он вернулся. Его лицо стало будто спокойнее, даже какое-то радостное. Предложил чай с конфетами и печеньем. Я была без сил, голодная. Подкрепились этим чаем. Но беспокойство не проходило. Потом он предложил написать заявление. Я подробно все описала, все, что знала про «Воронку», все их угрозы. А потом двери распахнулись и на пороге появился один из до боли, до омерзения знакомых охранников:

– А вот и наша беглянка! Мы позаботимся о ней, благодарим за оперативность, капитан. Наша девочка не совсем здорова, видимо, обострения у таких как она случаются не только осенью.

Я помню, что изо всех сил крикнула, что не пойду с ним. Но за дверью ждал ещё один такой же противный охранник, который просунул руку под мою пальто и якобы заботливо приобнял меня за талию, а на деле я почувствовала на своем теле холод металла, острие ножа в любую минуту угрожало вонзиться в тело. А потом...

Я рассказывала Гордееву, дажне не обращая внимание, слушает он меня или нет. Боль выплескивалась через рваные вздохи, через град слез, но из тысяч льдинок, что сковали сердце, спасая и одновременно раня, одна уже начала таять, принося долгожданное облегчение.

Капитан Гордеев прижал к себе и держал так долго, сколько надо было, чтобы это кусок льдины растаял до конца, не повреждая острием ничего во мне.

Глава 23.

Капитан Гордеев

Вот уже сколько дней моя квартира из логова закоренелого холостяка превращается в какую-то уютную гавань. Не потому что Вика принялась активно все менять или агрессивно внедрять женское видение дизайна и уюта. Нет! Вика напугана, осторожна, действовать с напором или манипуляциями она либо пугается, либо это вообще не в ее натуре. Даже элементарные вещи она делает, только спросив разрешение. Вместе с этой почти слабостью есть в ней какой-то свет, какое-то хрупкое сияние, что хочется защищать и оберегать. По натуре она не слабая, нет, просто кто-то или что-то забрали ее силы и ресурсы, и теперь она осторожно, как может, восполняет их. Она часто будто бы теряется, смущается. Честное слово, иногда хочется загрести Вику своими огромными лапами в объятия и держать там, пока не убедится: все хорошо, все позади, по крайней мере в моем доме ей все можно. Но нельзя. Даже поддержку ей оказывать можно осторожно. Знаю, что временно, это пройдет, время залечивает раны. А их в ее маленьком сердечке, наверняка, очень много.

Правда, есть некоторые, которые не так осторожничают как я. И им это позволено. Это с Муратом у них случилась любовь с первого взгляда. Притом они друг на друга очень даже влияют, и если изменения в Вике мне очень даже нравятся, то в Мурате они явно не положительные. Это – немолодая собака-ищейка, опытная, осторожная, умелая, дисциплинированная. С Викторией вот эти вот качества в Мурате слетают из настроек. Вот почему вместо своего законного рабочего вольера Мурат ночует в моей квартире и спит сейчас возле кровати с Викторией? Не иначе как они договорились между собой и между делом уломали меня разрешить это безобразие. А может, это какой-то секретный вид терапии для Вики, кто знает? Мурата точно не стоит недооценивать. Может, поэтому Вика и спать начала спокойно, хотя обычно она долго ворочалась, вставала попить воды, скролила соцсети, просто ходила по комнате, иногда засыпая только к утру. Она мне еще не все рассказала, но думаю, не последнюю роль в ее таком состоянии сыграло и такое психологическое насилие как искусственная депривация сна. Скорее всего ей специально не давали спать, ломая волю, сопротивление, истощая ресурсы организма. Мне она, смею думать, доверяла, но не в той степени как Мурату, который охранял ее сон около кровати.

К сожалению, Мурат – служебный пес, и оставлять у меня надолго я просто не имею права, я настаиваю, что Мурата заждались служба. Этим утром мы с Викторией клятвенно обещаем ему, что обязательно наведаемся, как будет возможность. Заодно осторожно сообщая девушке:

– Вика, для большей твоей безопасности я бы очень хотел скорее увезти тебя из данного города. Уверен, что наша проверка здания "Воронки" уже известна тому, кто называл себя Учителем в данной секте. Выйти на меня не составит труда, в отделении моя инициатива отлично известна, и крысы вроде Сайгакова охотно ею поделятся. Подготовь, пожалуйста, все, что тебе надо, думаю, завтра утром можем выезжать в город С. Поживешь пару дней в доме у родителей Левушки, точнее лейтенанта Крюкова, а я пока поищу квартиру поближе к ним.

Я не хотел бы торопиться с отъездом. Да я всю жизнь провел вот так, греясь об хрупкое тепло Вики. Уверен, смог бы научить доверять миру и людям, даже тому, что смог бы приучить к своим объятиям самонадеянно верю. Она итак делает определенные успехи в области доверия людям. Но чем больше я погружался в дело о «Воронке», тем меньше оно мне нравилось, а рассказывать подробности обо всем, что уже удалось выяснить я бы стал с очень большой осторожностью даже полностью психически стабильному человеку, не то что Вике. А потому – поторопиться в нашем случае не прихоть, а жизненная необходимость.

Глава 24.

– Жаль только, что Мурата больше не увижу, – печально тянет Вика, но по взгляду понимаю, что в ее словах звучит печаль не только по четвероногому другу-коллеге, но и по нашим вечерам, по этой квартире, где Вика смотрелась и чувствовалась как родная.

Я, наоборот, стараюсь держаться бодро:

– Не поддаемся унынию, коллега. Все временно. Если очень повезет, через пару-тройку месяцев сможешь вернуться в родной город и встречаться с Муратом сколько душе угодно. А еще я заказал роллы и их скоро привезут. Ты любишь?

– Обожаю. И очень давно не ела.

Вика волшебная. Она вся соткана из противоречий, но оттого еще более привлекательная. Я не знаю, на кого можно было ее променять. Либо ее бывший муж слепой, либо бесчувственный чурбан.

В каком-то порыве хватаю ее ладони:

– Знаешь, я хотел сказать... признаться...

Душу свой порыв на корню. Хотел сказать, что она – самый необыкновенный человек, что за короткое время стала очень близкой, такой, за которую мужчина жизнь готов отдать. Но нет, не сейчас. Сдаю назад, и быть может, разочаровываю её:

– ...хотел признаться, что я не умею есть роллы палочками. Поэтому прошу не смеяться, если я буду помогать себе руками или вилок.

Наверняка, Вика почувствовала некую фальшь, наверняка, поняла, что изначально посыл был совсем другим, но виду не подала. Обрадовалась ли, а может, наоборот, испытала облегчение – не берусь судить. Сам виноват, не смог удержать порыв. Не время для признаний. Поэтому далее я делал вид, что учусь у Вики кушать палочками, Вика делала вид, что учит. Впрочем, итог получился вкусным и веселым. Так, что мы даже еще и фильм скачали.

О «Воронке» в этот вечер – впервые за последнее время – вообще не говорили. Зато говорили о многом другом. Вроде ни о чем, но мне нравилось ее слушать. Как она училась, как познакомилась со Славой – бывшим мужем. С грустной улыбкой она рассказывала, как всегда всеми силами старалась скрыть свою ужасную родинку, как убегала от близости с ним, чтобы не показывать эту самую родинку. Была уверена: увидит – убежит от нее. Как удивилась, когда Слава не нашел в ней ничего ужасного. Это потом, спустя время он научился давить на больное место жены, указывая на ее уродство.

– Вика, ты же понимаешь, что это – не уродство? Эта родинка даже не портит тебя, это – часть тебя, твой узор, часть твоей красоты. Я смотрю на нее – и она меня не отталкивает, абсолютно. Ни как человека, ни как мужчину. Будь я твоим мужчиной, я бы, наоборот, целовал бы тебя туда, – непонятно зачем делюсь своими почти фантазиями с Викой. – Ты мне веришь?

– Верю, – умиротворенно кивает головой Вика. – Ты – первый человек, перед кем я ношу футболки и халат, не пытаюсь прикрыть эту родинку.

От ее слов тепло, от ее улыбки вечер начинает сиять. Уверен, что содержание фильма никто из нас двоих не запомнил.

Вечер уже грозился перерасти в ночь, пора бы спать, но не хотелось прерывать магию сегодняшнего дня. За последние десять минут, когда мы все-таки делали вид, что смотрим фильм, Вика все-таки задремала, ее голова упала на мое плечо. Аккуратно отнес ее на кровать и прилег рядом, только на пять минут, только потому, что не хотел отпускать от себя, такую маленькую, такую раненую.

Думал о том, что мой шрам виден невооруженным глазом, рана давно зажила и не тревожила. Рана Вики маскировалась под родинку и никто, включая саму Вику не видел, как

она болит, кровоточит и требует лечения теплом и любовью. Никто, включая Вику, не понимал, сколько напряжения было в ее жизни, когда она каждую минуту помнила о своем «уродстве», каждую минуту была занята тем, чтобы это «уродство» прятать; при каждом общении с миром и с людьми требовала от себя не только построения отношений, но и одновременно пыталась скрыть эту свою «уродливую рану». Боюсь представить ее переживания в подростковом возрасте, когда все воспринимается особо чувствительно. Неудивительно, что «Воронка» так легко ее заманила. Там она забыла про родинку. Ее давнюю рану обезболили. Напряжение, преследовавшее всю жизнь, отпустило. Вика была готова многое за это отдать. И отдала. Свою квартиру. Свою волю. Почти отдала жизнь.

Но «Воронка» – плохое лекарство, больше калечит, чем лечит. Побочка этого лекарства еще аукнется нам. Даже когда Вика будет в городе С., я не буду полностью спокоен за нее. Только оперативная работа и взятие под стражу ключевых фигур этой преступной организации может остановить ядовитое воздействие «Воронки». А действовать придется сквозь препятствия, преодолевая тонну бюрократических ловушек и равнодушных отписок.

Глава 25.

Глава 25.

Капитан Гордеев

– Капитан Гордеев, раз Вика теперь «моя девушка», может, она пересядет ко мне на заднее сидение? – спрашивает Левушка, от души растягивая губы в улыбке.

– Я бы на твоём месте так не улыбался, капитан Крюков, – сурово отрезаю попытки шутить Левушки. – Девушка она тебе только понарошку, а отвечать за нее ты будешь по-настоящему. За ее жизнь, за ее здоровье, за каждую ее волосинку и слезинку – за все буду спрашивать тебя.

– Охо, – Левушка делает вид, будто пугается такой нагрузки. – А какие-то поощрения будут?

– У тебя девушек, Левушка, пруд пруди, и ни одной настоящей, той, с которой семью можно построить. Если будешь еще у Вики искать поощрения, я лично найду способ как тебя поощрить, чтобы тебе это не понравилось, это тоже запомни.

Вика улыбается. Мягко, но с легкой тревогой.

– Главное, если вокруг начнут вертеться странные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.